

[Polaris]

БЕЛЫЕ

ДЬЯВОЛЫ

Забытая палеонтологическая фантастика
Том I

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

V

Salamandra P.V.V.

БЕЛЫЕ ДЬЯВОЛЫ

**Забытая
палеонтологическая
фантастика**

Том I

Составление и комментарии
М. Фоменко

Salamandra P.V.V.

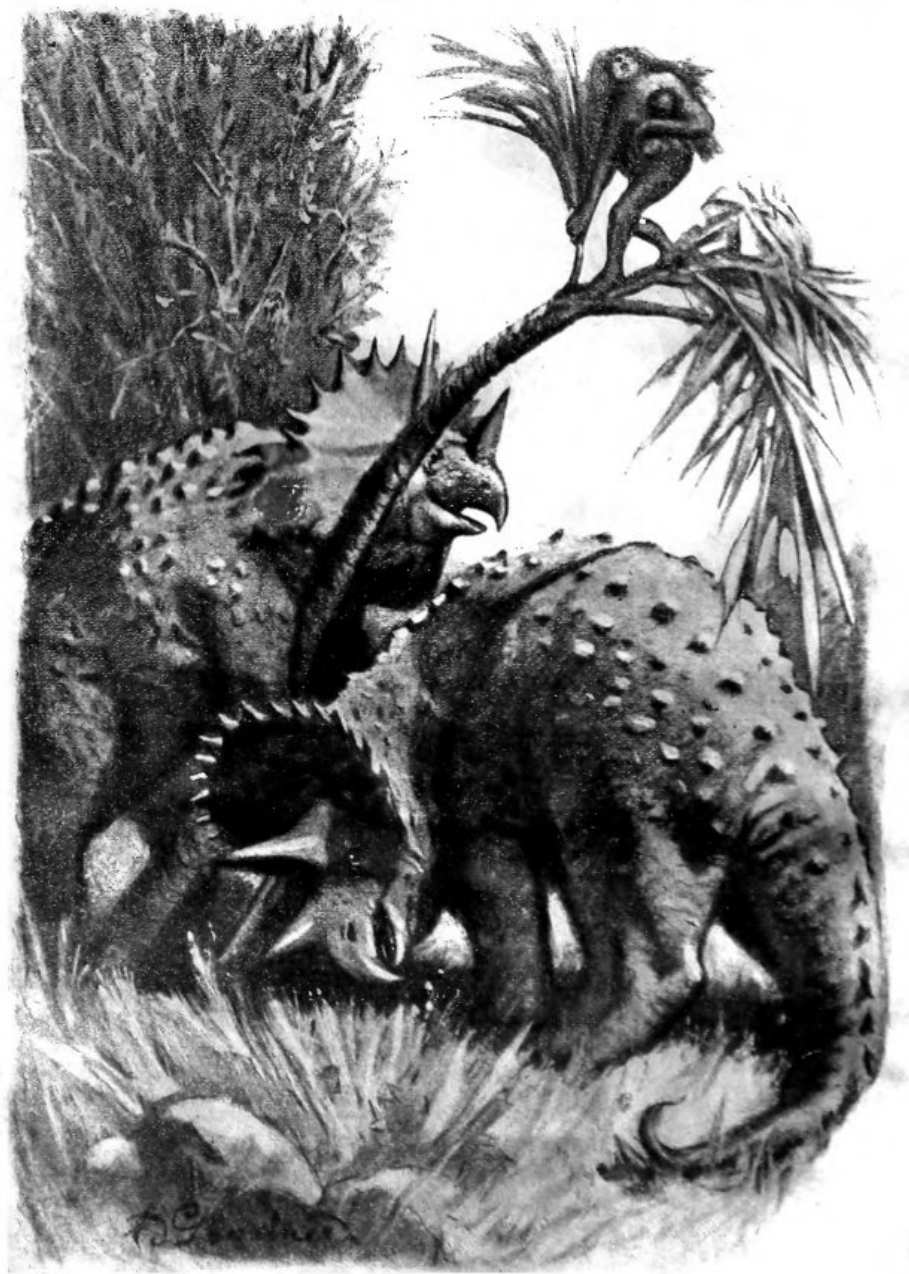
Белые дьяволы: Забытая палеонтологическая фантастика. Том I. Сост. и комм. М. Фоменко. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2013. – 157 с., илл. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. V).

Палеонтологическая фантастика – это затерянные миры, населенные динозаврами и далекими предками современного человека. Это – захватывающие путешествия сквозь бездны времени и встречи с допотопными чудовищами, чудом дожившими до наших времен. Это – повествования о первобытных людях и жизни созданий, миллионы лет назад превратившихся в ископаемые...

Антология «Белые дьяволы» открывает в серии «Polaris» ряд публикаций забытой палеонтологической фантастики. В книгу включены произведения русских и зарубежных авторов, впервые изданные в 1900-1920-х гг. и извлеченные из редких ныне журналов. В издании сохранены оригинальные иллюстрации, составляющие неотъемлемую часть первых публикаций.

© Авторы

© Salamandra P.V.V., комментарии, состав, оформление, 2013

БЕЛЫЕ ДЬЯВОЛЫ

Мартин Редклиф

ОХРАНИТЕЛЬ ДОЛИНЫ

Иллюстрации Лоусона Вуда

ОХРАНИТЕЛЬ ДОЛИНЫ

I.

Я собирался было приобрести ферму близ Эдмонта в Альберте, уже дал за нее задаток, но скоро все бросил. Я любил уединение, а это место мне показалось недостаточно уединенным; и вот, я постепенно стал двигаться на север и, наконец, достиг маленького поселка, известного среди его немногих обитателей под названием «Мускусный Бык».

Тут ютились изыскатели рудничных богатств и трапперы. Лежало поселение близ подножия одного отрога Скалистых гор и на самой окраине неизведанных северных пустынь. Здесь кончались всякие признаки цивилизации, и это нравилось мне. Местные жители тоже меня очень интересовали. Они рассказывали о тысячемильных путешествиях на собаках, о голоде в степях, о трапперах, пропавших без вести, об изобильных охотах на лосей и мускусных быков.

Иногда в их фразах звучали намеки на мрачные трагедии.

— Хоронить? В грунте, промерзшем на глубину шести футов и жестком, как железо? — слышались обрывки рас-

сказов. — Дудки! Я положил тело на ветви сосны, чтобы спасти его от зверей, и не успел пройти и мили, как услышал волчий вой.

И все толки кончались упоминанием о Длинном Джеке, герое северных пустынь. Неумоимо говорили трапперы о его переходах, опасностях, которым он подвергался, и нередко высказывали предположения о том, что делал он в данное время.

Раз вечером, вернувшись с охоты на диких гусей (они перезимовали в долине Миссисипи, и теперь тянулись на север), я в нашем поселке заметил движение и сразу увидел высокую фигуру человека, прислонившегося к бревенчатой стене единственного кабачка в «Мускусном Быке». Он стоял и курил с удовольствием путешественника, который был долго лишен этого развлечения. И по взглядам окружающих я сразу понял, что передо мной Длинный Джек.

К этому времени я уже свыкся с обычаями местных жителей, и потому не вмешался в разговор, а сел на соседнюю скамейку, зажег трубку и стал ждать.

Я чувствовал, что Длинный Джек внимательно присматривается ко мне... Наконец, он вынул трубку из рта и спросил поразившим меня тоном образованного человека:

— Я думаю, вы — Кембридж?

— Да, — ответил я. — Впрочем, я пробыл в университете всего только год.

— На шесть месяцев дольше меня, — ответил он.

Мы больше не разговаривали. Я инстинктивно чувствовал, что мой новый знакомый не расположен к беседе. Впрочем, покурив с полчаса, Длинный Джек снова заговорил:

— Не хотите ли поужинать со мной? — и он замолчал, точно желая узнать мое имя.

— Мазен, — договорил я. — Благодарю; принимаю предложение с удовольствием.

— Моя фамилия Лессельс, — почти шепотом сказал Длинный Джек. — Но прошу вас, не называйте меня здесь по имени. Выше пятьдесят пятого градуса северной широты — я

Длинный Джек и только. Я очень рад, что узнал вас, Мазен: приятно встретить человека из Кембриджа.

Во время ужина Лессельс спросил, зачем я живу в этой дикой глуши.

— Сам не знаю, — был мой ответ. — Я приехал сюда отчасти ради охоты, отчасти, желая попытаться найти удобный случай нажить деньги.

— А вы готовы решиться на трудное дело?

Я утвердительно кивнул головой. Он улыбнулся.

— На этой неделе я отправлюсь на изыскания, — продолжал Лессельс. — Если вы хотите нажить деньги, скажу, что я согласен принять компаньона. Охоты, вероятно, будет достаточно; а если дичи не встретится, вы погибнете от голода.

— Готов рискнуть, — ответил я.

— Прекрасно. Я собираюсь взять нескольких индейцев и отправиться на северо-запад в место, которое туземцы называют «Благоуханной Долиной». Я никогда не бывал в этой долине, да и никто из белых, — однако, по словам одного старого индейца, там в откосах гор можно видеть куски золотоносного кварца. Должен также сказать вам, что по словам старика краснокожего, боги убивают всех, входящих в Благоуханную Долину. Однако, мы, побывавшие в Кембридже, — скептики. Может быть, мы отыщем новый Клондайк, или же — я открываю вам худшую возможность — оставим кости в пустыне.

— Не знаю почему, — сказал я, — но дикие места меня влекут. И если вы согласны принять в компаньоны такого, как я, неопытного человека, я готов встретить опасность лицом к лицу.

— Вот, в сущности, в чем дело, — продолжал Лессельс, — имеется десять шансов против одного, что, угадав, куда мы отправляемся, индейцы бросят нас. Остаться же без товарища мне не хотелось бы. Я видел не одного траппера, исчезавшего надолго, который, потеряв своего компаньона и проблуждав целые месяцы в страшном одиночестве, среди полной тишины пустыни, возвращался в поселок с расстроенным мозгом. Кроме того, если нам посчастливится,

лучше, чтобы двое свидетелей дали отчет. Люди, к которым мы обратимся за капиталом для настоящей экспедиции, понятно, предпочтут иметь что-нибудь побольше, чем заявления одного разведчика. Вы знаете, одинокие путешественники по пустыням способны воображать всевозможные небылицы. У вас есть хорошее ружье, мистер Мазен?

— Да.

— А все-таки лучше возьмите одно из моих. Мы заряжаем их разрывными пулями. Это дурные ружья для спорта, но нам нельзя давать промахов. Если олень убежит с незначительной раной, без повреждения костей, мы можем умереть с голода. Путешествуем мы налегке: муки на три месяца, табака на четыре, мешок с солью, взрывной материал в малом количестве, несколько инструментов, кожаные куртки, кожаная палатка, — вот и весь багаж. Если хотите, можете взять одну-две книги. Я всегда беру с собой «Опыты» Бэкона; у него так много смысла в немногих словах!

— А вы думаете, что старик индеец, о котором вы упоминали, говорил правду?

— Этот краснокожий редко видел белых людей, а в своем нормальном виде индеец не умеет лгать. Он и убьет, и обокрадет без зазрения совести, но ему никогда не приходит в голову мысль солгать. Ложь — порок нашей цивилизации. Только заметьте: старик не говорил, что он сам видел «Благоуханную Долину». Он повторял лишь рассказы своего деда.

— Значит, вы верите одной части его слов и не верите другой? Разве он не сказал, что боги убивают всякого, кто входит в долину?

— Я уверен, что в основании этого суеверия есть что-то достоверное. Может быть, какая-нибудь партия индейцев погибла от молнии; этого было бы достаточно, чтобы целое племя наложило на страшное для него место нечто вроде «табу», и впоследствии никогда не подходило к опасной долине. Что же? Вы все-таки согласны отправиться?

— Ну, конечно: я расспрашиваю только из любопытства.

— Я очень рад, — искренне сказал Лессельс. — Вы с первого взгляда понравились мне, Мазен. Я думаю, мы скоро станем настоящими друзьями.

Через два дня мы отправились в путь. Лессельс позаботился обо всех подробностях.

Все обитатели поселения, в числе, по крайней мере, тридцати человек, вышли провожать нас. Едва они исчезли у нас из глаз и мы перестали слышать их голоса, Лессельс с удовольствием перевел дух.

— Ну, теперь я могу дышать свободно, — весело сказал он. — Я всегда ненавидел людные места.

II.

Во время нашего месячного путешествия на северо-запад мы тесно сошлись с моим компаньоном. Через неделю я примирился с неудобствами пустыни, и ее магнетическое очарование захватило меня. Спортивные удовольствия встречались на каждом шагу, потому что олени двигались на север, а рыбы в ручьях бросались на наши приманки с невинной жадностью, удивительной для человека, привыкшего к хитрым, боязливым форелям английских потоков.

Единственные беспокойства нам причиняли тучи moskitov, вившиеся в болотистых местностях, но вскоре моя кожа огрубела от бесчисленного количества их укусов, и я привык спать в густых клубах дыма, тянувшегося от тлевших сырых ветвей.

Все шло хорошо; через месяц мы подошли к высокому горному хребту. За ночь ветер переменился, и теперь в нем чувствовался тонкий сладковатый запах. Я хотел, было, сказать об этом Лессельсу, когда он знаком показал мне на индейцев. Несмотря на всю невозмутимость и бесстрашие этих людей, по взглядам, которыми обменивались краснокожие и по тому, как они посматривали вперед, я понял, что какое-то обстоятельство их волнует. Когда мы раскинули лагерь на ночь, Лессельс сказал мне:

— Пойдите, Мазен, добудьте оленя. Я же не хочу терять индейцев из виду.

Застрелить оленя было нетрудно. Они кишели здесь, и, казалось, больше с любопытством, чем со страхом смотрели на человека. Животные останавливались на расстоянии пятидесяти ярдов от меня и убегали только, когда я начинал подходить к ним.

Я скоро убил молодого оленя, притащил его на нашу стоянку и поручил индейцам изрезать его мясо.

— Нам нечего бояться, что провизии не хватит, — сказал я. — Здесь масса оленей, и все они идут по одному направлению с нами.

Сладкий, нежный аромат почувствовался в дыхании ветра.

— Не знаю, не этот ли запах привлекает оленей, — сказал Лессельс. — Кстати, Мазен, сегодня ночью мы будем по очереди караулить. Мне кажется, наши краснокожие собираются бежать, но они не ускользнут, пока мы смотрим за ними.

Около двух часов ночи Лессельс разбудил меня: наступила моя очередь сторожить. Я сел; прислонился к сосновому дереву и смотрел на индейцев, лежавших по другую сторону костра. Не думаю, чтобы я задремал, по крайней мере, я не сознавал этого, и отлично помню, как один из краснокожих поднялся с земли, посмотрел на слабо горевший огонь, и подбросил в костер охапку ивовых веток. Пополз густой дым, к бесконечному отвращению москитов. Только когда порыв ветра рассеял его густые, темные клубы, я увидел, что индейцы ушли, и немедленно разбудил Лессельса, сказав ему, что краснокожие могли исчезнуть только за последние минуты. Мне казалось, что их еще можно догнать.

— Не стоит, — ответил он. — Раз индеец исчез из виду, его не найдешь. Я знал, что они убегут, и хотел удержать их только потому, что при туземцах собаки бегут лучше. Останься индейцы с нами, они, вероятно, завтра остановились бы, отказываясь идти вперед, хотя бы мы грозили им смертью. Они не боятся смерти, но суеверный страх в них

необыкновенно силен. Во всяком случае, благодаря их бегству, наши запасы продержатся дольше.

Утром мы двинулись дальше. По мере приближения к горам, странный аромат становился все сильнее.

— Что это может быть? — сказал я Лессельсу.

— Не знаю. Может быть, теперь в долинах распускаются цветы на каких-нибудь кустарниках.

Одно верно: старый индеец не ошибся, рассказывая о Благоуханной Долине. Будем надеяться, что и остальные его сведения были точны.

После целого дня пути, мы обогнули выступ горы и увидели перед собой большую долину, лежавшую посреди двух скалистых стен. Ее покрывала зелень, и кусты росли в каждой расщелине утесистых скал.

— Благоуханная Долина — правильное название! — сказал Лессельс. — Но сегодня нам нельзя осмотреть ее. Подождем до завтра.

Когда мы в этот вечер сидели подле нашего костра, какой-то невероятно сильный звук отдался в горах; это было что-то вроде грохота взрыва и, вместе с тем, аккорда чудовищно больших труб.

— Что это? — вскрикнул я, вскочив и хватаясь за ружье.

— Не знаю, — ответил Лессельс. — Может быть, посреди гор есть какой-нибудь гейзер, вырывающийся в известное время. Я видел такое явление подле озера Атабаска, а ближайшие горы, как мне кажется, вулканического происхождения. В таком случае, страх индейцев, внушаемый им Благоуханной Долиной, вполне объясним.

III.

На следующий день мы пошли осматривать местность.

— Следует основать нашу главную квартиру посреди долины, — сказал Лессельс, — и когда мы устроимся, я отправлюсь на разведки. Формация гор, кажется, обещает мно-

гое, но я видел слишком много «обещающих» формаций, а потому не могу возлагать на это и больших надежд.

Пройдя около мили, мы увидели, что долина делала поворот. Я шел впереди и, обогнав угол скал, заметил нечто, крайне удивившее меня.

— Лессельс, — закричал я: — здесь дорога!

Он подбежал ко мне, и мы оба с удивлением смотрели на грунт. Перед нами тянулась широкая полоса обнаженной почвы, совершенно гладкой.

— Если это действие льда, — заметил он, — где же лед? Вероятно, он растаял очень недавно, так как, в противном случае, почва поросла бы кустарником, как и вся остальная долина. И до чего странный запах стоит над дорогой! Удивительное место! А все же это отличная дорога для собак.

Пройдя немного дальше, Лессельс крикнул мне:

— В скалах жила, я должен осмотреть ее. Погодите, я привяжу собак.

В эту секунду исполинский лось показался из чащи перед нами и побежал по долине.

— Никогда не видывал таких лосей, — вскрикнул я. — Я должен убить его, Лессельс! Как жаль, что мне не удастся доставить эту голову в цивилизованные области. Во всяком случае, нам сегодня необходимо мясо, и я застрелю животное, а потом измерю его рога.

Я бросился за лосем, время от времени целился в него, но как только я готовился выстрелить, какая-нибудь чаща непременно мешала мне. По дороге сладкий аромат делался все сильнее и сильнее, и я спрашивал себя, от каких кустов лился он; я нигде не видел цветущих растений.

Лось повернул за угол скалы и на мгновение скрылся у меня из виду. Я побежал за ним и, когда тоже миновал выступ, с удивлением увидел, что он мчится ко мне обратно. Опустившись на одно колено, чтобы лучше прицелиться, я выстрелил. Разрывная пуля попала прямо в грудь животного и нанесла ему ужасную рану. Лось покачнулся и упал. Я кинулся к нему. Вдруг большая волна мускусного, сладкого запаха нахлынула на меня.

Я поднял голову, посмотрел — и увидел «его». Громадное создание высотой, я думаю, в сорок-пятьдесят футов бежало ко мне; у него были страшные, выпученные глаза и громадные когти. Оно заревело, как-то ужасно затрубило. С мгновение я смотрел на кошмарно-страшное существо, потом, бросив ружье, побежал по долине, спасая жизнь. Зверь остановился и стал разрывать лося на куски.

Я бежал, как еще никогда не бегал; наконец, задыхаясь, остановился подле Лессельса. Он осматривал скалы, но обернулся ко мне и заметил:

— Индеец сказал правду, Мазен. Здесь золотоносный кварц. Я никогда не слыхивал о такой жиле. Сравнительно с этим местом, Клондайк ничто!

— Скорее спасайтесь... — пробормотал я.

Не успел я дать каких-нибудь объяснений, появилось чудовище. Оно двигалось с быстротой двадцать миль в час, и секунды через две было бы перед нами.

— Бегите в пещеру, там, в стене скал, а я постараюсь выстрелить,— крикнул Лессельс.

Его ружье щелкнуло. Животное громко заревело и продолжало бежать. Я, безоружный, кинулся к пещере... Лессельс за мной...

Невдалеке от узкого входа в грот мой друг поскользнулся и уронил ружье, однако, снова поднялся как раз вовремя, чтобы кинуться вслед за мной. Отверстие было футов пять в высоту, и мы пробежали до самого конца пещеры. К счастью, она была длиной футов в двадцать, а, может быть, и больше. Станный трубный звук потряс грот, и громадные когтистые пальцы просунулись вслед за нами.

— Как грустно, что я уронил ружье! Первая моя пуля отскочила от его головы. Вероятно, кожа чудовища, точно железо. Зачем я не выстрелил ему в рот! Ах, что это?

Послышался визг, потом наступила тишина.

— Собаки, — сказал Лессельс. — Бедные! Я привязал их, и они не могли спастись.

Он зажег спичку, осветив глубину пещеры. В углу лежали кости.

— Сюда прятались олени и гибли от голода, — объяснил Лессельс. — Я не удивляюсь этому. Нужно пойти посмотреть, не ушло ли чудовище.

— Не ходите, не ходите, Лессельс, — истерически закричал я. — Вдруг оно схватит вас! Я боюсь, я боюсь... Мне страшно остаться здесь одному...

— Я буду осторожен, старина; ведь я вас завел в эти тиски и должен спасти вас.

Лессельс тихонько пополз вперед, потом выбросил камень из пещеры. В следующую секунду появилась страшная лапа и стала скрести пол и стены пещеры.

— Чудовище нас караулит, — сказал Лессельс. — Мы должны были знать это, судя по его адскому запаху. Ночью попытаемся бежать. Хуже всего то, что чудовище наступило на мое ружье и согнуло его ствол, а ваше валяется в долине. Плохое положение! Лучше всего вам заснуть. Я буду караулить. Ночью же, повторяю, мы попробуем бежать.

Я лег и скоро крепко заснул. Мне кажется, ужас совершенно истощил меня. Вероятно, прошло несколько часов раньше, чем Лессельс разбудил меня.

— Пойдите, посмотрите, — сказал он. — Страшилище играет, как котенок.

Я пошел за ним к выходу из пещеры; огромное, отвратительное создание приникло к дороге и ползало взад и вперед; казалось, будто это движение доставляло ему удовольствие. А между тем, его алчные глаза наблюдали за нами.

— Это хитрое животное, — заметил Лессельс. — Смотрите, с каждым движением, оно понемногу приближается к нам. Назад, скорее! По глазам страшилища я вижу, что оно сейчас прыгнет.

Мы отшатнулись от входа в пещеру как раз в то мгновение, когда животное бросилось к нам. Я думаю, этим прыжком оно оставило позади себя около шестидесяти футов.

— Если бы только у меня было ружье, — простонал Лессельс. — Одна разрывная пуля не могла повредить ему, но двадцать, вероятно, действовали бы. Что за страшное соз-

дание! Величиной оно с полдюжины слонов, а ловкостью и жестокостью напоминает кошку.

До темноты мы наблюдали за прыжками зверя и заметили, что полные дьявольской сообразительности глаза страшилища не отрывались от нашей пещеры.

Вдруг Лессельс вздрогнул.

— Чудовище строит... Это мыслящее чудовище... у него такой же мозг, как у нас.

Кошмарный зверь, действительно, накладывал против нашей пещеры одни камни на другие.

— Он хочет окружить нас стеной, — шепнул Лессельс, и во мне замерла всякая надежда.

— Да, зверь хочет помешать нам бежать, — прибавил через мгновение мой товарищ. — Посмотрите-ка: он кладет качающиеся камни сверху. Если до них дотронешься, они с шумом упадут и предупредят его. Это дьявольское создание. Ну, позже попробуем бежать...

Лессельс ждал до темноты, потом бросил в стену валун, и шум от его падения отдался в глубине долины. Посыпались и другие каменные осколки, точно обвал. Громадное животное, с глазами, горевшими фосфорическим светом, стало свирепо царапать в нашу пещеру.

— Нечего пробовать бежать, Лессельс, — сказал я. — Мы здесь умрем. Я могу ждать смерти от голода, но «этого» вынести не могу.

— Нужно что-нибудь делать. Ведь через день, два, мы совсем ослабеем. Кто знает, может быть, к утру страшилищу надоест сторожить нас. Ах, если бы нам только удалось выиграть четверть часа!

— К чему? — спросил я. — Это животное бежит, как поезд-экспресс.

— Я думаю взобраться на утес, а не бежать по долине. Громадное создание не сумеет удержаться на выступах скал, если оно кинется за нами. А здесь должно быть место, где мы могли бы взобраться на откос. Если бы нам удалось только опередить его на сотню футов, мы спаслись бы... Засните, это подкрепит ваши нервы к утру.

IV.

Когда пришло утро, сладкий аромат убедил меня, что наш враг по-прежнему сторожил нас. Чудовище лежало ярдах в пятидесяти от пещеры и жадно, искоса поглядывало в нашу сторону. Я чувствовал жестокий голод и головокружение; вид наших запасов близ опрокинутых саней еще увеличивал мои муки.

Лессельс посмотрел на меня и сказал:

— Мазен, если животное отойдет хоть немного, я дам вам возможность спасения. Я побегу по долине, а пока зверь будет гнаться за мной, вы уйдете. Но, ради Бога, не оставайтесь на равнине. Ваше единственное спасение — вскарабкаться на стену.

— Ни за что, ни за что не позволю, — сердито ответил я. — Пусть я здесь умру, все-таки это лучше, чем думать, что я позволил вам принести себя в жертву ради меня. И слышать не хочу об этом!

— Да ведь я причина всего.

— Не браните себя. Я знал все, что знали и вы. А кто же мог ждать «этого»?

И я указал на страшилище. Через секунду случилось то, что прекратило наши разговоры. Из чащи показался громадный лось, и страшилище загородило ему дорогу.

Через мгновение зверь прыгнул, схватил лося передними лапами, и последовала такая ужасная и отвратительная сцена, что я не мог присутствовать при ней. Чудовище играло с лосем, как кошка с мышью, то отпуская, то снова схватывая его...

Когда, наконец, страшное животное покончило со своей жертвой, оно отошло к изгибу долины, глядя по направлению нашей пещеры своими громадными глазами.

— Вы видели его взгляд? — спросил Лессельс. — Оно хочет выманить нас наружу.

Долго мы ждали в полной неподвижности; наконец, Лессельс сказал:

— Засните-ка опять немножко, это поможет вам лучше выносить голод, а позже мы придумаем что-нибудь.

Я повиновался ему и проспал, вероятно, около часа. Меня разбудил новый громовой торжествующий рев. Я вскочил. Лессельса не было в пещере. Подбежав к ее отверстию, я увидел его в центре долины. Он наклонялся над нашими санями, а чудовище несло к нему.

— Назад, назад! — крикнул я.

Он помахал мне рукой... Боже мой, я не могу забыть этого полного бодрости жеста... Потом что-то высоко поднял над головой. Я, как безумный, побежал к нему, когда животное прыгнуло на него, открыв пасть. Лессельс ждал до последней секунды, наконец, бросил какую-то вещь в его зияющую пасть, но чудовище свалило его. В следующее мгновение послышался оглушительный взрыв, и громадная голова животного разлетелась в осколки. Тут я понял, что сделал мой отважный друг. Он открыл бочонок со взрывчатым материалом и, прикрепив к нему горящий фитиль, ждал до той минуты, в которую уже не мог промахнуться.

Я отнес бедное раздавленное тело моего друга в пещеру и долго сидел над мертвым товарищем, который ради меня пожертвовал жизнью. И вдруг меня охватил ужас страшной долины. Я почувствовал, что если я останусь в ней хотя бы на одно мгновение, я сойду с ума. Навалив осколки камней на тело бедного Лессельса, я спросил себя, что мне делать дальше, и мне пришло в голову, что если я не найду ружья, то умру с голода.

Я вернулся к тому месту, где в первый раз увидел его и, к счастью, отыскал ружье. Из наших саней я взял мешок муки, кожаную куртку, патронов и решил уйти. Но голод почти превозмог мой страх. Я поел и задумал отдохнуть раньше, чем двинуться. И вдруг... Вдруг снова пронесся громовой рев, похожий на звук сотен неистовых труб.

Неужели у страшилища есть товарищ? Я побежал, точно меня преследовал гнев Божий, бежал безостановочно, только по временам смешивал пригоршню муки с водой и наскоро проглатывал это месиво. Лишь на следующий день, после полудня, я вышел из Благоуханной Долины и очу-

тился в свежем воздухе пустыни. Тут я осмелился остановиться и отдохнуть.

Два месяца блуждал я, пока не вернулся к поселению Мускусный Бык. Первые же встречные поселенцы спросили меня:

— Почему вы совсем поседели? И где Длинный Джек?

Я рассказал им о Благоуханной Долине, о большой жиле золотоносного кварца, об ужасном создании, которое убило моего дорогого товарища. Все слушали меня ласково и как-то снисходительно. Никто со мной не спорил, но я слышал их перешептывания и понял, что все они думают, будто мой мозг пострадал от ужасов пустынь.

Нет, нет, они ошибаются! Я не сумасшедший! Это не бред! Действительно, где-то около 60-го градуса северной широты и 125-го восточной долготы лежит эта Благоуханная Долина с величайшей в мире жилой золотоносного кварца. Но да сохранит Небо всякого, кто найдет ее.

О, не думайте, что я сумасшедший!

Деремп

БЕЛЫЕ ДЬЯВОЛЫ

Повесть

I.

— Кажется, Жан-Луи де-Венаск? — сказал молодой человек с большим лбом и глазами навывкате, всматриваясь в другого, почти таких же лет, но бледного, худого, с удлинненным овалом лица и франтовски одетого.

— А я тебя сразу узнал, Жак Сейнтрас, — с улыбкой отвечал Венаск.

— Вот встреча!

— Сколько лет, сколько зим!

— Мы не видались с тобою десять лет!

— С тех пор, как окончили коллеж... Пожалуйста, присаживайся к моему столику и расскажи всю свою подноготную.

— Моя подноготная очень проста, — отвечал Сейнтрас. — Я поступил в Центральную школу, вышел инженером и работаю на одном сталелитейном заводе.

— Что же, доволен судьбой?

— Как тебе сказать?! Доволен, но не совсем счастлив. Жалованье получаю хорошее. Слыву за знатока своего дела. Кое-что изобрел и усовершенствовал мотор... Но как-то скучно. Откровенно тебе скажу, не о такой жизни я мечтал.

— Ах, милый Жак, я ведь тоже из породы мечтателей.

— Ты женат?

— Нет.

— И я тоже... Я слышал, что умер твой отец.

— Он убит, — со вздохом отвечал Венаск. — Отец мой был страстный охотник. Зайцев истребил он бесчисленное

количество. Уезжал охотиться на волков в Россию, и за отсутствием в своих собственных владениях красного зверя стал охотиться на контрабандистов и браконьеров... В нем жил беспокойный дух, и он искал опасности.

— Его убили контрабандисты?

— Да. Однажды утром он был найден в лесу с простреленной грудью и с выклеванными глазами... Над ним вились коршуны.

— Какая трагедия! Но ты теперь, значит, богат?

— Получил наследство! Да что толку! Та потребность бродяжничества, которою одержим был отец, передалась мне. Я много путешествовал и, увы, ничего не увидел нового. Мне хотелось бы открыть какие-нибудь страны, диких и неведомых. Но уже все открыто.

— Не все, — сказал Сейнтрас и сверкнул глазами. — Есть еще неисследованные области.

— Какие же?

— Морское дно.

— Исследованием морского дна занят князь Монако.

— Не исследована луна и, вообще, небесные светила.

— Ну, что за шутки!

— А оба полюса? Например, северный разве тебя не привлекает?

— Хорошо бы открыть северный полюс, еще бы! Но как добраться до него?

— На воздушном шаре, мой друг. О, если бы были у меня средства! — вскричал Сейнтрас. — Если я о чем тоскую, то, именно, о воздушном шаре. Еще в школе я сделал множество чертежей аэропланов и управляемых баллонов. Если я принял место на заводе, то с задней мыслью — обеспечить себе возможность построить рациональный дирижабль. Но годы проходят, времени нет, и мне кажется иногда, что я схожу с ума. У меня есть богатейшие идеи. Ведь завоевание воздуха совершится не сегодня-завтра. Результаты, каких достиг Сантос Дюмон, поразительны. Немногого нужно — и это немногое которое я знаю, будет сказано другим, и воздушный океан станет соперничать с железными

дорогами и с морем. Так-то иногда от пустяков зависит счастье человека.

— А именно, какая сумма нужна тебе?

— Не менее двухсот тысяч франков.

— Конечно, деньги большие, — сказал Венаск. — Но на твоём дирижабле можно будет долететь до северного полюса?

— Нечего и говорить, что дирижабль, который у меня в голове, потому и прославит своего изобретателя, что на нём можно будет осуществить химерическую затею Андрэ. Мой дирижабль не раб, а господин ветра.

— Послушай, друг мой, — сказал Венаск, — деньги у меня есть, и если хочешь, я дам необходимые средства на опыты, на постройку дирижабля, и вместе мы отправимся на северный полюс.

— У тебя благороднейший ум! — вскричал Сейнтрас, — о, если бы богатые люди все были подобны тебе! Если бы короли народов и короли бирж были так щедры и предприимчивы! Какие бы завоевания были сделаны в области науки! Разопьем по этому поводу бутылку шампанского?!

— Разопьем!

— Однако, боюсь, — сказал Сейнтрас, чокаясь с товарищем, — уедешь ты в свои поместья и забудешь о воздушном полете.

— Ни в каком случае.

— И тебя не испугают расходы?

— Нет, даже если бы вдвое больше, у меня хватит.

— Ну, смотри же.

— Даю честное слово.

II.

Прошло несколько дней. Прошел месяц. Это был медовый месяц мечтаний и грез.

Половину своих поместий Венаск заложил и получил деньги, которые вручил Сейнтрасу.

— Смотри только, мой друг, ты должен дать мне слово, что все останется между нами. О задуманном мною предприятии никто не должен знать.

— Как! В газетах не может быть ни слова о нас!

— Ни слова.

— И обо мне?

— И о тебе.

— Ты маньяк, Венаск. Ты боишься, что кто-нибудь опередит тебя. Не бойся, сумасбродных людей мало.

— Ты слишком рано хочешь славы, Сейнтрас. Будь скромнее.

— Хорошо. Ты — хозяин. Но, по-моему, отчего не тиснуть своих портретов в каком-нибудь иллюстрированном журнале? В подобных предприятиях слава должна предшествовать исполнению.

Сейнтрас перебрался к товарищу. Им необходимо было постоянно видаться.

Однажды в корзинке у письменного стола Сейнтраса Венаск нашел перерванный пополам лист бумаги с восторженным репортерским отчетом о свидании со знаменитым воздухоплавателем Жаком Сейнтрасом. Очевидно, Жак Сейнтрас спал и видел рекламу. Он сочинял несуществующие интервью и тешил себя, как дитя.

Каждый день Венаск находил черновые репортерские отчеты.

Наконец, он не выдержал и заговорил с Сейнтрасом.

— У тебя мальчишеская суетность. Брось думать о шуме в газетах! Начиная приходить к заключению, что ты не солиден.

— А! Ты, кажется, находишь, что я тебе дорого обхожусь! — вскричал Сейнтрас и ушел, хлопнув дверью.

Венаск побежал за ним. Он, вообще, редко расставался с ним, боясь, что он проговорится. Это окисляло их отношения, но дело все-таки двигалось вперед.

Между тем баллон был окончен.

— Полетит? — спросил Венаск.

— Должен полететь.

Сейнтрас стал объяснять приятелю идею баллона — на чертежах. Венаск плохо понимал, трепетал от радости и спрашивал:

— А ты ни перед кем не похвастался?

Опыты с поднятием были произведены в окрестностях Парижа. Первый опыт был произведен 15-го апреля 1905 года. С самого же начала стало ясно, что дирижабль Сейнтраса был лучше всех других, до него существовавших. При последующих опытах были введены некоторые усовершенствования. Но оказалось, что система балласта никуда не годится. Шар ночью, издержав балласт, опустился на землю только потому, что на него села роса.

— Вот видишь, — сказал Венаск Сейнтрасу, — если бы репортеры узнали о таком скандале, тебе бы пришлось застрелиться от стыда.

— Ты прав, товарищ. Я и теперь готов умереть.

— Умирать нечего, а придется еще поработать над дирижаблем.

Сейнтрас, что называется, поджал хвост и с удвоенным жаром принялся за дело.

— Опыты с обыкновенным баллоном мы сделаем в той деревушке близ Югорского пролива в Карском море, откуда Нансен начал свои исследования полярных стран.

III.

В самоедской деревушке Венаск и Сейнтрас собрали части аппарата при помощи нанятых работников, которые оказались честнейшими, благочестивейшими и простодушнейшими пьяницами.

Недели было достаточно, чтобы привести в порядок дирижабль.

Энтузиазм Венаска возрастал, а Сейнтрас падал духом.

Принесена была корреспонденция на имя Венаска. Разбирая письма и газеты, он наткнулся на извещение об аме-

риканце Вельмапе, который собирается на северный полюс тоже на дирижабле.

— Вот смотри! — закричал Венаск своему другу. — Если мы будем мямлить и медлить, то нас опередят.

Сейнтрас прочитал и изменился в лице. Энтузиазм охватил его.

— Нет, нас не опередят! — закричал он: — а мы вернемся раньше, чем он отправится. Первый достигнет полюса Сейнтрас. Он водрузит на нем французское знамя. В путь, как можно скорей!

Когда все было готово, Сейнтрасу захотелось, чтобы жившие в деревушке соловецкие монахи благословили экспедицию.

— Для чего?

— Как для чего? Это будет историческая сцена. Надо будет сделать моментальный снимок, и потом его воспроизведут в журналах. И, кроме того, не спорь. Религия все-таки имеет значение... Так или иначе, а мы отправляемся к черту в зубы!

IV.

По внешнему виду дирижабль не отличался от тех баллонов, которые были построены в последние годы. Впрочем, размеры его были исключительные: он имел семьдесят пять метров в длину и двадцать в ширину. Оригинальной особенностью его внутреннего строения было снабжение его целой системой змеевиков, так что теплый газ, выходя из мотора, не пропадал и сначала согревал корзину с каютами, а потом поднимался по другой системе змеевиков, помещавшейся внутри баллона, и только тогда уже, отдав всю теплоту машине без всякого риска воспламенения водорода, удалялся в свободный воздух. Кроме того, на дирижабле имелся значительный запас сгущенного водорода, и достаточно было открыть кран, чтобы придать новую энергию машине, не прибегая к выбрасыванию бал-

ласта. А при отсутствии балласта легко было отделать каюты со всевозможной роскошью и комфортом, и, чтобы обложка была прочнее, дать ей алюминиевую основу.

Корзинка представляла собою настоящий маленький домик, с двумя комнатами. В одной находился Сейнтрас, он же механик и рулевой, и в ней сосредоточены были запасы масла, эссенции, воды, а также торчали ручки, краны и кнопки для управления дирижаблем. Дверь выходила на открытую галерею, по которой можно было добраться до мотора. В другой комнате стояла узенькая кушетка, очаг, на котором Венаск приготовлял обеды и ужины, и тут же были ящики с провизией. Путешествие на таком воздушном судне не обещало ничего, кроме удовольствия, и было совершенно безопасно.

Огромная машина качалась над землею, удерживаемая канатами. Когда канаты были перерезаны, она не сразу двинулась. В ход пущен был мотор, согревший и расширивший водород, и дирижабль двинулся вверх. Сейнтрас и Венаск забыли все свои ссоры, восторг охватил их, и руки крепко соединились в порыве признательности и умиления.

Шар послушно сошел на землю. Целый ряд опытов был произведен над ним, и все они увенчались блестящим успехом. Пришлось сделать лишь незначительные исправления.

На земле Франца-Иосифа было решено сделать последний привал, и оттуда направить полет к полюсу.

Сейнтрас и Венаск полетели на полюс 18-го августа 1905 года.

V.

— Теперь могу сказать, что я прожил жизнь бесполезно, и мы показали человечеству пример почина и сильной воли! — вскричал Венаск за завтраком на второй или на третий день после полета.

Сейнтрас, вошедший уже в свою колею, неисправимый в своем тщеславии, произнес:

— Что все это в сравнении с теми овациями, которые нас ожидают, когда мы вернемся с полюса в Париж!

Венаска передернуло.

— Конечно, — отвечал он, — но надо еще добраться до полюса. Мы находимся в поясе страшных холодов.

— И не замерзаем! Посмотри на мой герметический способ: дверь открывается и закрывается — и не замерзает, и ни малейшего дуновения. Давай, еще раз позавтракаем, что ли?

Мотор однообразно шумел, каюта слабо качалась. Хотелось спать и хотелось есть.

— Повар, скорей поворачивайся! — приказал Сейнтрас.

— Я не успеваю на тебя готовить.

Не желая ссориться с компаньоном из-за пустяков, Венаск согласился, что Сейнтрас — начальник экспедиции, а он — только повар. Консервы надо было только разогревать на электрической плите. У воздухоплавателей было в запасе много сухих пирогов, варенья, старых вин, стуженного молока и бисквитов. Они взяли с собою также несколько окороков.

Сейнтрас пожирал завтрак за завтраком с неимоверным аппетитом и еще больше пил. В каюте часто хлопали пробки и пенилось шампанское.

Мелькали дни, белые, похожие друг на друга, зловещетихие. Шар приближался к полюсу.

Однажды Сейнтрас лежал на кушетке и смотрел, как Венаск поджаривал ломтики ветчины в соусе томат.

— Ха, ха, ха, ха!

— Чему ты смеешься?

— Воображаю, что бы мы делали, если бы не взяли с собою столько коньяку и рому.

— Я же, однако, почти не пью.

— Ты пай-мальчик, что и говорить!

— У меня и без того работает воображение. В самом деле, Сейнтрас, что мы найдем на полюсе?

— Земную ось, разумеется.

— Нет, серьезно?

— Я серьезно говорю. Нам придется облететь вокруг ее рукоятки, и только — как бы ее не столкнуть с места, а то ведь, чего доброго, произойдет страшная катастрофа.

— Вижу, Сейнтрас, что ты недурно зарядился шампанским.

— Сам Юпитер в моем положении напился бы, как сапожник... Нет, вот что: на рукоятке земной оси мы выгравировем наши имена на память о нас отдаленнейшим потомкам... А, между тем, хорошо было бы также отбить несколько кусочков земной оси и привезти с собою в Париж и раздать друзьям в подарок. Это самое фантастическое, что я могу придумать... Поддай-ка мне еще бутылочку!

Огромная машина шла вперед без всяких приключений. Легкость, с какою она двигалась, раздражала Венаска и Сейнтраса. По-видимому, победа увенчает их дирижабль без всяких препятствий. Уже через тридцать три часа после отлета они достигли крайнего пункта, до которого дошел Нансен... Теперь вокруг баллона простирались необозримые девственные пространства.

В лихорадочном возбуждении Венаск сказал, тормоша товарища:

— Ну, Сейнтрас, голубчик, подумай, куда мы залетели, а ты дуешь коньяк, как ни в чем не бывало.

— Я, брат, уже охладел, — иронически отвечал Сейнтрас, — оставим восторги до Парижа. Вот, когда первые красавицы понесут нас на руках, и короли станут называть нас своими друзьями... А теперь, согласись сам, ни души! Будь готов лучше ко всякого рода разочарованиям. На полюсе ничего нет, кроме такого же самого снега и льдов. Ведь не уверовал же ты, в самом деле, в земную ось!

— Как ты прозаичен, Сейнтрас!

— А ты чересчур поэтичен, Венаск. Ну, хорошо в лучшем случае водрузим на полюсе французское национальное знамя и провозгласим полюс французской колонией, которую преподнесем в дар нашему отечеству... А Франция может от себя подарить северный полюс русскому правительству, которое не замедлит заселить его беспокойными гражда-

нами... Между тем, дар подобного рода еще более укрепит дружественную связь двух великих народов.

— Ври, да знай же меру! — вскричал Сейнтрас. — Смотри, наши инструменты показывают, что мы уже близ полюса. А что же нового? Все тот же проклятый, унылый пейзаж и мертвый, ледяной воздух, и...

Он внезапно остановился и стал прислушиваться к непрерывным взрывам мотора. Надев на себя шубу, он вышел на открытую галерею и стал искать причину беспорядка. Оказалось, что проволока, близко соприкасаясь с цилиндром, стала перегорать. Чтобы лучше сделать починку, Сейнтрас остановил на минуту мотор. Колеса перестали двигаться, но, тем не менее, земля со страшной быстротой убегала под баллоном, который стремительно несясь вперед.

— Черт возьми! — закричал Сейнтрас. — Страшное воздушное течение!

— А как же мы вернемся назад? — с тревогой спросил Венаск.

— Если трудно будет бороться с ветром — пойдем вперед; на наше счастье, земля все-таки круглая.

Он связал проволоку, передвинул ее и пустил мотор. Дирिжабль помчался еще скорее.

Возвратившись в кабину, Сейнтрас сказал:

— Ну, а теперь новую бутылочку шампанского!

— Охотно, — отвечал Венаск, — тем более, что до полюса уже рукой подать.

— Что ни говори, конечно, все-таки я — Христофор Колумб, — гордо сказал Сейнтрас. — Ну, а тебя можно сравнить с тем королем, который дал средства Колумбу...

— Странно, — начал Венаск, — я выпил всего бокал шампанского, а у меня закружилась голова.

Чтобы выбросить мусор и пустые бутылки, Венаск открыл маленький люк в полу — и его поразило, что земля стала серой и бежала со сказочной скоростью, а по ней тянулись какие-то узенькие черные полосы.

— Однако, голова кружится своим порядком, а ветер — посмотри, Сейнтрас... Да мы мчимся с быстротою бомбы!.. Выдержит ли наш дирижабль?

Сейнтрас припал к люку и просвистал.

— Дирижабль выдержит, — сказал он. — Но...

— Говори же, говори!

— Такая быстрота свидетельствует, что существует резкая разница между температурой приполярной и температурой полярной. Ты, пожалуй, прав.

Он закрыл люк и опять вышел на галерею.

— Термометр поднялся, он уже выше нуля. Поди сюда, Венаск! — дрогнувшим голосом закричал он.

Венаск вышел на галерею. Ветер был страшный, но теплый. Самое же удивительное было то, что вдали, на горизонте, стоял яркий фиолетовый день и бросал на все части машины и на лица воздухоплавателей странный, бледный отблеск.

VI.

Венаск затрепетал: впереди было нечто неведомое, было чудо, и пот выступил у него на висках. Он нервно схватился за балюстраду обеими руками.

Чем больше подвигался дирижабль, тем фиолетовый день становился ярче и распространялся на весь горизонт.

— Какое-то удивительное фиолетовое северное сияние, — пробормотал Сейнтрас.

Баллон, между тем, попав в сравнительно теплую атмосферу, стал подниматься выше, вследствие прогрессивного расширения водорода. Фиолетовый отблеск падал на снега и на серую землю. Казалось, что перед глазами фиолетовое стекло. Через несколько минут пропали последние следы снега. Термометр показывал шесть градусов тепла. Все относительно, и поэтому температура эта стала казаться им жаркой; воздухоплаватели облились потом. Впрочем, этому способствовало их тоскливое состояние: ничего не может быть страшнее неведомого.

Через некоторое время стали появляться растения, низкорослые и похожие на кактусы и папоротники. А почву покрывала короткая зелень.

В ней даже не было ничего земного. Густой туман разорвался, как плащ, и показалось полярное солнце на самом краю долины, громадное и подобное тусклому металлическому щиту. Власть царя нашей планеты здесь была очень ограничена; ни один луч не отделялся от солнца; все утопало в сиянии фиолетового дня.

В воздухе близ баллона раздался хлопающий шум крыла; то тень скользнула, издала пронзительный крик и ударилась о кровлю каюты.

Сейнтрас и Венаск тщетно старались проследить, какое это создание приветствовало их прибытие на полюс; но тень уже исчезла.

— Ужас, что такое! — простонал Сейнтрас и обернулся к Венаску.

Оба они увидели друг друга и испугались. Слезы дрожали на их глазах и были синего цвета. Губы как-то странно вздулись и полярный свет углубил их морщины.

— Мы похожи на трупы! — вскричал Сейнтрас.

— Мужайся! — сурово сказал Венаск. — Нам надо позаботиться о нервах и не распускаться. Решительно ничто нам не угрожает. Напротив, хорошо, что мы нашли нечто в высшей степени новое. Будем только благоразумны.

— Конечно, конечно, — пробормотал Сейнтрас, но все его тело трепетало.

Опять они услышали пронзительные крики, на которые отвечали другие крики. Перед ними вертикально прорезала воздух большая летучая мышь с длинным, толстым клювом.

— Я тебе говорил, что мы откроем новую фауну; необходимо бросить якорь.

— Что ты! — с ужасом вскричал Сейнтрас.

— Повторяю, необходимо сойти на землю. Я сейчас заряжу свой карабин, и мы наберем образчиков минералов, растений и даже, если можно, животных.

— Скорее я взорву баллон, чем послушаюсь тебя! — свирепо закричал Сейнтрас. — Я начальник, и ты мне должен повиноваться!

VII.

Но мало-помалу Сейнтрас успокоился и согласился, что естественно-историческое исследование полюса обязательно сделать. Он только попросил отсрочки, на что Венаск согласился. Баллон летел на высоте четырехсот футов.

Пейзаж мало изменился, но растительность стала выше и гуще; впрочем, все полярные растения стремились разрастаться в ширину. Небеса их больше не притягивали к себе.

Вскоре воздухоплаватели увидели реку, и опять показались снега, лежавшие кое-где кучками.

Венаск первый заметил, однако, что снега эти движутся.

— В самом деле, — вскричал Сейнтрас, — снега двигаются. Но, может быть, это стада полярных баранов?

— Или это нам только кажется!

— Пожалуйста, сойдем скорей на землю! — вскричал Венаск.

Любопытство Сейнтраса было так возбуждено, что он готов был исполнить желание друга, как в эту самую минуту фиолетовый свет внезапно погас. Стало так темно, что воздухоплаватели некоторое время не могли ничего разобрать. Потом уже в небесах они увидели бледные звезды и неопределенные белесоватые пятна на земле, которые продолжали шевелиться.

— Мне кажется, что я слышу, как оттуда доносится шепот и какой-то странный свистящий шелест.

На этот раз и Венаском овладел ужас.

— Улетим, пожалуй, поскорее.

— То-то и есть, — мрачно сказал Сейнтрас. — Поскорее удирайте!

— Северный полюс от нас не уйдет, — стал рассуждать Венаск: — сначала надо привести в порядок наши мысли и выработать план кампании.

— А! наконец, и мы перестали с ума сходить, — обрадовался Сейнтрас: — мы сейчас взмоем на высоту этак в тысячу футов, а не то и выше.

Он повернул несколько рукояток и придал мотору самую сильную скорость. Но новая, страшная загадка: мотор бешено заревел, и манометр стал показывать, что дальше машина не выдержит давления, и оболочка лопнет; однако, все было бесполезно. Баллон остановился и не мог двинуться ни взад, ни вперед, словно какие-то невидимые, но страшные цепи спутали его и неудержимо стали притягивать к земле.

Сейнтрас и Венаск стояли у балюстрады в отчаянии и недоумении. На одном из холмов они увидели силуэт большого серого диска на высоком стержне: не было сомнения — перед ними стоял какой-то аппарат, сделанный интеллигентными существами. Это было ясно, как дважды два. Но они не успели обменяться по этому поводу никакими соображениями. Сейнтрас бросился в каюту, пролепетал только цепенеющими губами: «Что же делать теперь?», и заснул. Венаск последовал его примеру.

VIII.

Венаск проснулся и не мог сказать, сколько времени он спал. Вернее, он не спал, а находился в летаргическом состоянии. Сейнтрас еще храпел. На лбу у него были глубокие морщины. Его сон был населен, очевидно, кошмарами. В толстые хрустальные окна каюты проникал фиолетовый свет — значит, был уже день.

Венаск вышел на галерею и увидел, что балкон покоится на земле, а мотор не действует, потому что иссякла эссенция.

Шар несколько сплюснулся, но стоял в воздухе, словно подпираемый стойками; ничто не было испорчено. Он хотел выровнять шар, слегка сдвинув его с места, и не мог. Каюта с мотором стояла на продолговатом прямоугольном темном камне.

Сойдя на землю с карабином в руке, Венаск понял, что он и его товарищ находятся во власти каких-то таинственных интеллигентных существ, и что дирижабль попал в ловушку. В кустах кактусов и папоротников что-то прошуршало. Венаск выстрелил и грохотом выстрела разбудил Сейнтраса, который выскочил на галерею.

— Ну, хорошо ты спал?

— Плохо... Точно под хлороформом.

— И я тоже.

— Черт знает что! Мне снилось, что меня ощупывали какие-то твари своими щупальцами.

— И меня тоже. Только сознание не совсем потухало.

— Вот, вот, я же и говорю, как под хлороформом.

— Что же ты намерен делать, Сейнтрас?

— Не знаю, а там посмотрим.

Он сделал несколько шагов и вспрыгнул на желтый продолговатый камень. Но на нем он не мог сделать и двух шагов, как упал. Венаск бросился к товарищу на помощь и стал его стаскивать с камня.

— Беги, куда глаза глядят! — закричал Сейнтрас.

— Что ты с ума сошел!.. Лучше сбрось сапоги. У тебя ботинки на стальных гвоздях. А ведь это магнит, понимаешь? Это мне сейчас пришло в голову.

Сейнтрас послушался и благополучно сошел с камня. От отчаяния он быстро перешел к необузданной радости.

— Фю, фю, фю! Они хотели поймать нас магнитом! Господа неведомые, пожалуйста-ка сюда. Прощайте, полярные привидения, дьявол бы вас побрал!

— Хорошо, Сейнтрас, но следует обратить внимание на баллон! Как мы его стащим?! Кажется, эта штука будет труднее.

— Обрежем вот это, выбросим балласт, и шар взлетит, как голубь — прямо к зениту. Пускай тогда ищут ветра в поле.

Нет, не беспокойся! А вот что, голубчик-повар, — смертельно есть захотелось!

Воздухоплаватели усадились за завтрак, и, при свете фиолетового дня расположившись на папоротниках, на берегу реки цвета потемневшего серебра, распили бутылку шампанского.

IX.

Они сделали около полумили вниз по течению реки, вытекавшей из туманов и исчезавшей за цепью голубоватых холмов. В низеньких рощицах порхали птички с длинными клювами и с лазурными крыльями. Странные цветы с мясистыми венчиками там и сям покрывали землю. В одной пещере Сейнтрас палкой убил животное, похожее на летучую мышь, но со змеиной головой и длинным клювом. При ближайшем рассмотрении животное оказалось птеродактилем или пальцекрылом — существом, которое вымерло в остальных частях света еще в геологические эпохи.

Сейнтрас и Венаск повернули назад, разыскивая еще птеродактилей. Им хотелось поймать живого зверька, который длиною был не больше двадцати сантиметров. Но вдруг Сейнтрас стал кричать.

— Что это значит? Где моя тень?

— Тени нет и у меня, — сказал Венаск.

— Моя тень, моя тень! — кричал Сейнтрас и вертелся во все стороны.

— Зачем ты дурачишься? — сказал Венаск. — Таково свойство этого света, что он проникает собою воздух, и теней вообще нет в этом странном и страшном пейзаже.

Сейнтрас понурил голову.

— Какая-то феерия... Ноги цепенеют.

Подойдя к реке, Сейнтрас наклонился и стал пить воду.

— Теперь мне стало лучше, — сказал он. — До баллона еще далеко, посидим и отдохнем.

— Ну, как тебе кажется, — начал Венаск: — обмануло меня предчувствие или нет?

— Признаюсь, то, что я увидел, сбило меня совершенно с толку. Когда я убил в пещере птеродактиля, я подумал, уж не летучие ли мыши проделали все эти фокусы и посадили нас на магнит? Но нет, тут народ похитрее. Может быть, они окружают нас, а мы их не видим. И от этой мысли у меня сейчас встали волосы на голове.

Венаск в волнении зашагал по берегу.

— Смотри, — закричал он, — дверь!

— Где?

— В скале. Видишь — углубление и металлическая плоскость. Я стучу по металлу... Слышишь, гудит?

— Дверь, в самом деле дверь! — вскричал Сейнтрас, подбегая, и тоже ударил по металлу.

— Войдем.

— И погибнем, что ли?

— Все возможно, — сказал Венаск, — но эти неведомые нам жители полюса интеллигентны и даже цивилизованы... А с умными существами всегда можно найти какое-нибудь соглашение. Хотя тебе и кажется, что легко освободить наш дирижабль, но я полагаю, что это уже в их власти, а не в нашей. Они располагают такими силами природы, какими мы не располагаем. Получить свободу мы можем, только познакомившись с неведомыми.

Сейнтрас подумал и согласился с Венаском.

Дверь не шелохнулась под их натиском. Она была заперта магнетическим током.

Сейнтрас посвистал.

Венаск, запыхавшись, стал строить планы сближения с неведомыми.

— Конечно, они материальны. В их невидимость я не верю. Надо будет завладеть кем-нибудь из них и сделать его заложником... Вот тогда можно будет с ними поторговаться!

— Но, Венаск, что это за следы на прибрежной глине?

— Следы двуногого существа, но с хвостом вроде кенгуру.

— Кажется, каналы ходят босиком!

— Ноги у них имеют форму листа плюща, — продолжал Венаск... стой, стой! Да это лапы ископаемого игуанодона!..

— Игуанодона? Что за зверь такой?

— Тоже современник птеродактиля.

— Что же, может быть, это стадо игуанодонов, которое пасут неведомые?

— Почему знать?!

— Но следов других существ не видно. Прячутся бестии!

Так разговаривая и пытливо глядя себе под ноги, Венаск и Сейнтрас дошли до баллона.

Каково же было их удивление, когда они увидели, что самые существенные части мотора отвинчены с удивительным искусством и унесены.

Сейнтрас осмотрел мотор и целую минуту молчал. Вдруг идиотский смех сорвался с его губ, и, обратившись к товарищу, он проговорил, подмигивая:

— Я сделаю сани, запрягу игуанодонов, и мы уедем отсюда!

Заложив руки в карманы, он стал беспечно напевать парижскую песенку.

Венаск ничего не возразил ему. Он понял, что Сейнтрас сошел с ума.

Х.

— «А что, если и я сойду с ума?» — с тоской стал думать Венаск.

Положение его было ужасно: один с заболевшим товарищем на северном полюсе, в какой-то проклятой стране, в плену у неведомых... Что делать?.. Что предпринять?

Сейнтрас, впад в веселое возбуждение, шумел, кричал и пил. Вскоре вино его свалило и он заснул в каюте блаженным сном.

Фиолетовый свет, не дававший теней, и, может быть, магнетизм раздражали Венаска, и тоска его возрастала. По вре-

менам он лишался воли, и самые странные мысли вихрем проносились в его мозгу. Что-то вроде галлюцинации возникало перед ним. То ему казалось, что из-за воздушного корабля выбежали белые лебеди, превратились в танцовщиц и пропали в тумане. То звезды попарно приблизились к нему и с холодным любопытством рассматривали его. Вне себя он схватил бутылку с коньяком и едва мог налить рюмку — так одеревенели его пальцы. Но когда он осушил полбутылки, оцепенелость исчезла, ему стало легко, и чувство личности восстановилось в нем.

Он еще раз пошел осмотреть искалеченный мотор, нагнулся к резервуару, и из-за баллона выглянула белая фигура с белоснежным лицом, на котором пылали два ярких, умных глаза!

Это было смешное и страшно уродливое лицо с выдающимся лбом, который был весь в складках и совсем без подбородка, с коротким носом; оно напоминало что-то человеческое, но до ужаса противное и тошнотворное.

Венаск сделал движение — фигура пропала. Но слышно было, как что-то заволновалось в папоротниках, и раздался явственный членораздельный шепот с присвистом и причмокиванием. Через некоторое время из-за папоротников показалось белое пятно, которое вдруг рассыпалось. Он вспомнил движущийся снег: это были о н и.

Дрожа, Венаск заперся в каюте, прислушиваясь. Свистящий шелест стал приближаться. У самых дверей каюты что-то зашевелилось. Венаск внезапно открыл дверь и вытянул руку. Белое пятно мелькнуло в воздухе... Они двигались со страшной быстротой.

— Я просто напился коньяку, — сказал себе Венаск...

На другой день Сейнтрас все утро прохныкал.

По-видимому, безумие его слегка рассеялось.

— Я плачу, — объяснял он, — потому что сегодня ночью о н и меня обнюхивали.

— Кто «они»?

— Белые дьяволы.

Венаск сделал над собою усилие и весело рассмеялся.

— Скажи лучше — белые слоны.

— Но ты не станешь отрицать, что мотор развинчен? — произнес Сейнтрас и снова залился слезами.

Прошло несколько дней. Мало-помалу Сейнтрас хотя и не выздоровел окончательно, но пришел в такое состояние душевной развинченности, когда Венаск мог пользоваться его товариществом. Вместе они стали ходить на охоту: стреляли птиц и ловили в реке рыбу, которая оказалась розовая, жирная и вкусная.

На успокоившейся физиономии Сейнтраса Венаск по временам наблюдал выражение необыкновенной тоски и приближающейся душевной бури.

— Зачем ты от меня скрываешь? — начинал Сейнтрас: — ты их, наверное, видел?!

— Видел, не видел, а факт тот, что о н и утащили нашу машину.

Однажды Венаск попал пулей в металлическую дверь в скале. Он сделал это нарочно. Но пронзительное, острое эхо прокатилось звенящей волной в фиолетовом воздухе. Под землей что-то закопошилось, загудело и застонало. Река, которая имела быстрое течение, потекла еще быстрее, словно закипела, и на несколько секунд свет стал так яркок, что пришлось зажмурить глаза. А когда Венаск раскрыл их, он увидел, что весь воздух наполнен огненными зелеными струйками, Сейнтрас же лежал на берегу и бормотал невероятный вздор.

— Что это за подземная работа? — со страхом спросил себя Венаск, когда все пришло в порядок: — как же мы отобьем назад свой мотор?

Фиолетовый свет стал меркнуть и скоро совсем погас.

Венаск привел Сейнтраса в чувство несколькими каплями алкоголя, поднял на ноги и пошел по направлению к баллону. Вынув электрический фонарик, он вдруг осветил окружающий мрак. Послышался свистящий шепот, шорох, задвигались белые призраки, выхваченные лучом света, и разбежались.

— Сейнтрас, успокойся, одумайся хорошенько, будь умницей и обрадуйся, — факт тот, что они боятся нас. А у нас еще есть средства нападения почище пороха. Хорошенько

осмотревшись, мы начнем кампанию и добьемся своего. Нам нечего терять надежды.

Сейнтрас в ответ бессмысленно засмеялся.

— Я убью хоть одну штуку, — промычал он, — задушу своими руками, только попадись мне в лапы!

XI.

Сейнтрас еще спал, когда Венаск, взяв с собою флакон коньяку, сошел по лесенке на землю и направился к скалистой гряде. То, что было так необычно вначале, теперь уже примелькалось. Он смотрел на странный пейзаж и напрасно делал моментальные снимки: теней не было, и на пластинках почти ничего не выходило. Такие картины природы можно было передать только акварелью. Он думал об этом и подвигался вперед.

В нескольких саженях от таинственной двери он остановился под прикрытием папоротника и затаил дыхание. Дверь была открыта, и на пороге стояла белая фигура, с задумчивыми, ярко-человеческими глазами, похожая на ящерицу, ставшую на задние лапы. Фиолетовый свет вырывался из-под свода и освещал фигуру, как уродливое изваяние.

Венаск не сводил с чудовища глаз. Было что-то необычайно свирепое и отвратительно жестокое в чертах этого ужасающего лица. Можно было привыкнуть к фиолетовому дню и к пейзажам без теней, но нельзя было привыкнуть к такому уродству. Череп был непомерно развит, и местами точно его распирало от излишка мозга.

Вдруг это существо повернуло голову и воззрилось в Венаска. С какою-то тайною грустью, но без всякого удивления, оно, не мигая, долго смотрело на него. Держалось оно на задних лапах и опиралось на длинный хвост, а передние лапы, или руки, выходили прямо из груди и похожи были на щупальца. В одной руке блестел какой-то металлический цилиндр.

Венаск обомлел, но старался не уронить своего достоинства и, тоже не мигая, глядел на неведомое существо.

На этом странном жильце полюса был надет белый плащ из хорошо выдубленной кожи или, может быть, плотной ткани, и части тела, которые были видны, были так голы и мясisty, как ободранный задок телятины. Из широких ноздрей шел пар. А множество мелких и острых зубов не покрывались роговыми губами, и неподвижная, свирепая улыбка играла на лице существа, которое следовало отнести к породе пресмыкающихся, хотя и высоко одаренных. Поразительны были глаза: они смотрели пристально и были почти прозрачны; свет сознания наполнял их.

Пять страшных минут, по крайней мере, протекло во взаимном созерцании. Наконец, Венаск не выдержал взгляда и закрыл глаза. А когда он открыл их, «белый дьявол» уже сделал несколько шагов вперед и, раскрыв пасть и наморщив лоб, тихонько засвистал. Он был выше Венаска на целую голову. Венаск почувствовал на себе влагу его дыхания.

Венаск не мог преодолеть себя. Нестерпимый приступ ярости овладел им, и он с отвращением ударил чудовище в грудь прикладом карабина. «Белый дьявол» издал жалобный крик, повернулся на хвосте и быстро прыгнул в подземелье, в дверь, которая плотно закрыла собою вход.

— Какую я сделал глупость! — упрекнул себя Венаск. — Какая несвоевременная нервность! Теперь нужно опять ждать неделю или две другого случая. Чудовище не имело никаких враждебных намерений. Ему просто хотелось ближе рассмотреть меня. И за кого оно приняло меня? Наверно, за существо низшей расы!

Ругая себя, вернулся домой воздухоплаватель и застал Сейнтраса сидящим верхом на балюстраде и со слезами зерцающим фиолетовый пейзаж.

ХП.

Однако, Венаску пришлось недолго ждать другого случая. Едва вспыхнул фиолетовый день, как ему пришло в голову обратить на себя внимание «белых дьяволов», подложив сильный патрон экстродинамита под камень, который находился в нескольких стах шагах от баллона и тоже имел правильную форму. Раздался страшный треск, куски камня полетели в разные стороны. В то же время произошла какая-то перемена с магнитным камнем, к которому был прикреплен баллон. Его сила ослабела, и, может быть, теперь стоило бы только открыть резервуар сгущенного водорода и зарядить мотор, чтобы тронуться с места и улететь.

Обрадованный Венаск побежал в каюту и стал рассказывать проснувшемуся Сейнтрасу о том, что случилось. Чары словно спали с Сейнтраса.

— Да, — сказал он, — я чувствую, забилося сердце в нашем дирижабле, и я сам ожил!

— Господи, как я рад, что ты на себя стал похож! — вскричал Венаск.

— Нечего радоваться, мотора все-таки нет, а лучше взгляни, вон «белые дьяволы» мчатся.

Чудовища прыжками приближались к баллону. Их было, по крайней мере, сотня. Конечно, они были встревожены и сначала окружили взорванный камень, перешептываясь и сюсюкая. Иногда из их толпы вырывались хрюкающие стоны. Потом они окружили баллон. Каждого из них отлично можно было рассмотреть. Были и молодые, и старые, высокие и маленькие.

Между чудовищами был только один с золотым цилиндром в руке, тот самый, которого ударил прикладом Венаск. Может быть, это был начальник страшного народа, ученый, или их царь. Цилиндр состоял внутри из ряда концентрических полукругов, которые, вертясь, издавали нежный звон. Может быть, он командовал этим звоном. Может быть, это была какая-нибудь машинка, дававшая ему

силу и материальную власть над себе подобными. Его слушались, по-видимому, беспрекословно.

Построив в каре все свое стадо, высокий «белый дьявол» подошел к самому баллону и остановился в незначительном от него расстоянии.

Чудовища были страшны, но все же, пока они были кошмарны, они были страшней. Венаск убедился уже, что они робки по натуре.

— Разбирает меня злость, — сказал Сейнтрас, — так бы и врезался с ножом и искрошил бы проклятую сволочь!

— Они зароятся в землю, и тогда пиши пропало, — проговорил Венаск, — у меня была встреча с этим субъектом, и я по себе знаю, что легко сойти с ума в самый нужный момент... Поэтому, Сейнтрас, воздержись, пожалуйста, и хоть на этот раз не сходи с ума.

— Я их нисколько не боюсь, — со смехом вскричал Сейнтрас. — Милостивые государи, «белые дьяволы», — возвысил он голос, — великая французская республика объявляет вашу страну включенною в состав ее колоний, а я имею честь представиться: ваш генерал-губернатор, и мне принадлежит исполнительная власть. Вам, как представителям одного из прекраснейших народов севера, считаю необходимым прежде всего даровать автономию, но помните, что мы шутить не намерены и требуем от вас возвращения украденных у нас частей дирижабля, для чего даем вам час срока, по истечении которого мы сделаем с вашей столицей, — он указал на холмы, — то же самое, что сделали с этим камнем.

Новый угрожающий жест.

Речь его показалась Венаску не особенно здоровой. Но жест был исполнен такого красноречия, что чудовище с золотым цилиндром замахало им в разные стороны и свистнуло, на что все подчиненные его ответили каким-то жалобным возгласом.

Сейнтрас сбежал с лесенки и очутился лицом к лицу с начальником. Но свирепый вид оскаленного чудовища не испугал его, и он галантно взял его руку к себе под локоть и потащил его за собой. Тогда и Венаск спустился. Чудови-

ще, по-видимому, только и искало дружбы. Оно повернуло назад свою страшную голову и, кажется, пригласило подчиненных не покидать его и быть настороже. Толпа почти-тельно что-то прошипела.

— Понял или нет этот идиот что-нибудь из моей речи? — произнес Сейнтрас и подвел его к мотору.

Свободной рукой он несколько раз показал на недостающие части аппарата, и интеллигентное существо должно было, наконец, понять, чего от него требуют. Оно осклабилось и опять повернуло голову к своей свите. Язык его, — потому что ясно, это была членораздельная речь, — напоминал собою весеннее кваканье лягушек и полоскание горла борной кислотой. Несколько чудовищ мелькнули в воздухе и с такой же быстротой вернулись, неся под мышкой металлические рычаги, винты и прочие части.

— Ну, молодец «белый дьявол»! — похвалил Сейнтрас. — Я представляю вас к ордену Почетного Легиона. Видишь, Венаск, как подействовала моя речь, — с важностью заявил он. — Еще раз ты прав: с умными существами, действительно, можно спеться в конце концов.

Чудовища сели на корточки и мигом свинтили мотор. Но Сейнтрас заметил, что прежних клейм на рычагах нет. И так как у одного из посланцев остались лишние винты, то стало ясно, что в подземной кузнице чудовищ с точностью были воспроизведены все украденные части мотора.

— Ясно, ясно. Потому они и утащили их, что хотели поучиться у нас!

— Любознательные ящерицы, — проговорил Сейнтрас и похлопал по плечу начальника.

Воздухоплаватели ввели чудовище в кабину. Оно уселось на койке, но внимательно все осмотрело. Дотронулось оно и до каждой рукоятки и пуговицы своими быстрыми, мягкими пальцами, развернуло дневник, который вел Венаск, и сразу поняло его назначение.

Сейнтрас поставил бутылку шампанского, а Венаск нарезал несколько ломтей ветчины. «Белый дьявол» пожевал ветчину и выплюнул, но шампанское ему понравилось. Он как будто стал шутить и, с упреком посмотрев на Венаска,

слегка ударил его мягким кулачком в грудь, после чего сейчас же ткнул его роговым рылом в щеку. Венаск улыбнулся и полюбопытствовал узнать, что за цилиндр держит в руке «белый дьявол». Тот протянул цилиндр, но дотронуться до него не могли ни Венаск, ни Сейнтрас. Это был какой-то чрезвычайно сильный электромагнитный аккумулятор.

В окна каюты смотрели белоснежные морды с тоскливыми, умными глазами. А один «белый дьявол» забрался под пол и выглядывал из люка.

XIII.

«Белые дьяволы» целый день трудились над разрушенным камнем и восстановили его. А ночью с Сейнтрасом повторился один их самых страшных его припадков. Пришлось пожертвовать целой бутылкой спирта, которую он выпил и все-таки кричал:

— Если они не пригласят нас к себе в гости и не покажут нам своих женщин, за которыми я, может быть, хотел бы поухаживать, то не видать этому «белому дьяволу» Почетного Легиона.

— Сейнтрас, нам надо поскорее улететь, пока они опять не обокрали нас. Существа добродушные, но из любознательности они могут навеки задержать нас у себя. Поверь, им самим хочется научиться строить дирижабли.

— Есть у них театры, балет? Понимают ли они толк в разных тонких удовольствиях? Веруют ли они в какого-нибудь Бога? Или они выше религии? Я до тех пор, — неистово кричал Сейнтрас, — останусь здесь, пока не женюсь... Я хочу жениться на его дочери.

— У него, может быть, и дочери нет. Сейнтрас, голубчик, приди в себя!

Венаск уговаривал Сейнтраса, а сам начинал уже чувствовать на себе наваждение. Только еще алкоголь поддерживал его силы. Наконец, к утру, он подложил два патрона

под исправленный камень и от страшного взрыва таинственный магнит, действовавший индуктивно на тот камень, на котором стоял дирижабль, рассыпался вдребезги.

* *
*

Через несколько минут баллон надулся и, освещенный фиолетовым утром, высоко поднялся в воздухе. Сейнтрас и Венаск стояли на галерее и смотрели вниз на «белых дьяволов», которые высыпали из своего таинственного подземного жилища и на этот раз не могли удержать в плену величественный дирижабль.

Венаск задумчиво смотрел вниз на отдаляющуюся землю. Фиолетовая заря была уже далеко и занимала только часть горизонта.

— Знаешь что, — сказал Венаск, — а жаль «белых дьяволов». Мы, слава Богу, улетели от них, потому что на первых порах неведомое всегда пугает. Но они мирные и, видно, очень интеллигентные машиностроители, наслаждающиеся по-своему какою-то непонятною для нас жизнью. Мы их не тронули. Но по следам нашим станут летать другие аэронавты и, в конце концов, уничтожат оригинальнейшую цивилизацию... Какие-нибудь англичане настроят себе дач на северном полюсе, и хорошо еще, если не будет потерян секрет производства фиолетового света.

— Венаск! Никогда я не был так несчастлив, как на северном полюсе.

— А впереди, Сейнтрас, разве не ожидает тебя слава, к которой ты так стремился и о которой так мечтал?

— Ничего не имею против славы, — сказал Сейнтрас, раскупоривая одну из последних бутылок шампанского, — лишь бы только нам поверили!

Уильям Л. Олден

НЕДОСТАЮЩЕЕ ЗВЕНО

I.

— Если бы только удалось кому-нибудь отыскать *недостающее звено*, — заметил профессор авторитетным тоном: — то кончились бы все сомнения относительно происхождения видов. И я глубоко убежден, что придет время, когда оно будет найдено.

— Кажется, несколько лет тому назад была даже снаряжена для этого специальная экспедиция? — спросил молодой Гортон. — Насколько я помню, в Борнео, или куда-то в те края.

— Да. Но, очевидно, дело было плохо организовано, потому что начальник экспедиции пропал без вести, — ответил профессор.

Мы сидели в «курилке» одного из дуврских отелей, в ожидании, чтобы шторм стих и позволил нашему пароходику выйти из гавани. Общество состояло из двенадцати путешественников различного типа и возраста, но профессор (который, кстати сказать, не имел этого ученого звания, но которого невольно называли «профессором» все без ис-

ключения) завладел общим вниманием своими курьезными суждениями. Когда речь зашла о теории Дарвина, и профессор» привел упомянутые выше истины, один из слушателей — по наружности матрос американского торгового флота — вынул изо рта сигару и проговорил спокойно:

— Я бы ничего не имел против того, чтобы найти «недостающее звено». Но когда *само звено вас* находит — это не всякому понравится.

— Я вас не совсем понимаю, — довольно сухо заметил профессор.

— Может быть; хотя я не загадками говорю: я сказал, что не особенно удовлетворительно себя чувствуешь, когда оказываешься в положении человека, найденного «недостающим звеном». И говорю по опыту, потому что это со мной самим случилось. Если джентльмены интересуются, я могу рассказать все свое знакомство с этим самым «недостающим» звеном», о котором только что говорил господин профессор.

Несколько голосов выразило полную готовность выслушать рассказ, и молодой моряк начал без дальнейших предисловий.

II.

Шесть лет тому назад я вышел из Ньюкэстля матросом на четырехмачтовом «купце», направлявшемся в Шанхай. Но, добравшись до Сингапура, так был недоволен и работой, и командой, что, сойдя на берег, не нашел нужным возвращаться; пока пароход не ушел, я держался в тени. Но, оставшись на полной свободе, я скоро пожалел, что остался: мне нечем было платить за еду и за комнату, и хозяин вытолкал меня на свежий воздух; оставалось кланчить пищу у туземцев, так как работы не было решительно никакой.

Ну-с, кое-как я перебивался уже вторую неделю, когда вдруг приезжает в Сингапур какой-то ученый — надо по-

лагать, тот самый, о котором только что говорили: он отправлялся внутрь страны, чтобы отыскать «недостающее звено между человеком и обезьяной», и подыскивал себе белого спутника. Нечего и объяснять, с какой охотой я воспользовался случаем, потому что это обеспечивало мне готовую еду, возможность спать в палатке и двадцать долларов в месяц.

Кроме меня и Бутлера, в составе экспедиции не было белых; трое малайцев были наняты в качестве стражи и для переноски багажа. Мы должны были пересечь полуостров в северо-восточном направлении и выйти на противоположный берег. Эту местность никогда еще не посещали европейцы, и мы думали, что встретим много тигров, дикарей и проч. Но Бутлер больше всего думал о своей цели: он слышал от туземцев, что где-то внутри страны живет большая обезьяна, ростом выше человеческого и имеющая больше сходства с человеком, чем с обезьяной; хвост у этого зверя будто бы так мал, что о нем и говорить не стоит, а умен он настолько, что строит себе хижины и убивает животных дубиной. По объяснению Бутлера, это существо должно представлять переходную ступень от зверя к человеку — недостававшее до сих пор звено; и тому, кто отыщет его и доставит в Европу, предстоит слава и богатство.

Я ни на грош не поверил этим научным бредням и даже не обратил на них внимания. Мне важно было только пристроиться к чему-нибудь ради пищи и заработка, а искать какие-то недостающие звенья или убирать палубу представляло одинаковый интерес.

Мы тронулись в путь в отличном настроении: но каждый, имеющий понятие об экспедициях по джунглям, имел бы право назвать нас круглыми дураками: у каждого из нас был револьвер, у Бутлера кроме того ружье да еще запас всякой амуниции — достаточно на шесть месяцев для небольшой армии; но пищи у нас стало в обрез с самого начала: Бутлер решил брать как можно меньше, рассчитывая на добычу ежедневной охоты, а «на всякий случай» прихватил с собой лишь коробочку «мясных пилюль», вполне заменявших, по его мнению, мясную пищу. Воды у нас бы-

ло с собой только по бутылке на человека и одна бутылка коньяку на всю компанию, так как сам Бутлер принадлежал к обществу трезвости.

III.

Дело пошло плохо на первых же порах. Только в начале пути попадались нам кое-где туземцы, бывшие довольно снисходительными, за исключением одного, которого пришлось, для примера прочим, подстрелить за дерзость. Заросли пошли такие густые, что мы вынуждены были держаться исключительно тропинок, едва-едва проложенных туземцами; потом и их не стало: туземцы совсем исчезли с горизонта, и в чаще остались только следы зверей; по степени удобства они ничем не отличались от «туземных» тропинок, но, к несчастью, извивались во все стороны без малейших признаков здравого смысла, так что, следуя по ним, можно было шагать целый день и очутиться к вечеру на том же месте, откуда вышел.

Дичи было немного: едва-едва хватало на то, чтобы не умереть с голоду. Приблизительно на десятый день тигр стащил у нас одного из малайцев; мы успели его пристрелить, но от малайца в несколько минут почти ничего не осталось. Еще через три дня двое остальных малайцев сбежали ночью, захватив с собой оружие. Мы с Бутлером остались одни, но он нисколько не упал духом; набив карманы оставшимися зарядами, мы отправились дальше.

По мнению Бутлера, вокруг нас лежала уже та часть полуострова, в которой мы должны наткнуться на «недостающее звено»; но пока не заметно было никаких признаков. По утрам и по вечерам мы шагали с сравнительным комфортом, но днем приходилось останавливаться и сидеть в чаще зарослей от жары. Запас нашего табаку (т. е. моего, потому что Бутлер не курил) вышел весь в начале второй недели, и это лишение огорчало меня больше, чем недостаток в пище. Костер мы зажигали очень редко, так как

спичек с собой было лишь несколько коробок, и мы их берегли. По ночам мы, конечно, караулили поочередно, чтобы не попасться врасплах какой-нибудь зверюге; но, исключая того тигра, который стянул малайца, мы их больше не видали; я думаю, заросли в этих краях слишком густы для крупной дичи, но зато мелочь там кишмя кишит: нигде не встречал я столько всякой ползающей, неприятной, шуршащей скотины, как в этих краях. Змей было видимо-невидимо, всевозможных цветов и видов, хотя Бутлер утверждал, что все это «безвредные породы». Он лучше бы сделал, если бы верил в них поменьше!

Ночью, бывало, сидишь, караулишь, и такая жуть охватывает. Бутлер спит, а вокруг тебя, в темноте, между деревьями и промеж кустов, всякие шорохи так и ходят... Над головой, по полоске неба, видимой между верхушками зелени вдоль над тропинкой — звезды горят... Я не раз чувствовал себя одиноко на пароходах, во время ночной вахты, когда все спят, и только канаты да цепи побрякивают; но в этих джунглях ощущение такое, словно вас одного оставили на целом свете... Удивительно странное явление: ни ветра нет, ни одного зверя поблизости, а вот дышит кто-то над самым ухом! Не могут же звери беззвучно подкрадываться по хворосту и валежнику, да и немного бы от меня осталось, если бы они надо мной подышали! Земля, что ли, дышит после дневного жара, Бог ее ведает.

Прошагали мы так, в общем, недели четыре, когда Бутлера ужалила змея, и через шесть часов он умер. Храбрый он был малый, хотя и плохой исследователь: умирал так спокойно, словно спать ложился. Я ему ничем не мог помочь, потому что у нас не было с собой никаких снадобьев, да если бы и были, то разве от них бывает польза? Я заставил его выпить коньяку, но он не согласился сделать более одного глотка. Несмотря на страдания, он разумно говорил со мной до последней минуты: советовал взять компас и держаться все время северо-востока, пока я не достигну берега, где наверное найду себе работу; он передал мне свои деньги — около трехсот фунтов стерлингов — и просил поглядывать по сторонам, не встретится ли где «недостаю-

щее звено»; и если встретится, то *непременно* взять его и добраться до европейского парохода. В конце концов Бутлер взял с меня обещание не хоронить его (что мне было легко исполнить, потому что у меня не было никаких инструментов, кроме перочинного ножа); он заметил, что дикие звери позаботятся о его останках — «и решительно все равно, каким способом!» Может быть, он был и прав.

IV.

Когда Бутлер скончался, я оттащил его немного в чащу и прикрыл ветками и листьями. Мы не были товарищами: — я простой матрос, которого он нанял за деньги; но скажу вам, что, оставшись без него, я почувствовал, как будто солнце вдруг ушло за громадную серую тучу, по морю пошли черные волны, и ветер завыл и застонал, как безумный... Мне казалось, что эти непроглядные заросли душат меня. Очевидно, мне предстояла *в лучшем случае* голодная смерть.

Я шел весь день, до самого вечера, усталый и голодный и к ночи свалился с ног, в отчаянии мечтая о том, как хорошо было бы умереть от голода в Сингапуре, среди людей!..

Проснувшись от яркого солнечного света, я увидел над собой — как показалось с первого взгляда — огромного орангутанга; он стоял в двух шагах от меня на задних лапах, рассматривая со всех сторон мое ружье, которое держал в руках. Я живо вскочил, но он схватил меня за шиворот, прежде чем я успел выпрямиться. Его рука впилась в мое тело, как клещи паровой машины. Ясно было, что вырваться — глупо; он меня поймал, и мне оставалось покорно ждать, что из этого выйдет.

Мы двинулись по тропинке: он вел меня впереди, направляя вытянутой рукой, не отпуская моей шеи. Мне видны были только его ступни, когда он делал большие шаги, и я заметил, что пальцы на них необыкновенно длинные.

Вдруг я догадался, что это — *Недостающее Звено!* Бутлер не раз говорил, что на нем должна быть шерсть, и пальцы ног должны отличаться необыкновенной длиной, но во всем остальном оно будет очень похоже па человека. Существо, которое вело меня за шиворот, соответствовало этому описанию как нельзя лучше; это не был ни человек, ни обезьяна, а действительно нечто среднее! И передо мной предстал весь курьез положения...

Как я уже сказал, пришлось покориться неожиданной неволе в руках Недостающего Звена. Около получаса вел он меня вперед по тропинке, потом свернул в сторону, где кусты были пожиже, и мы очутились на маленькой полянке: тут стоял шалаш из воткнутых в землю молодых деревьев, связанных наверху лианами. Мы остановились, и господин Звено выкрикнул что-то на своем наречии; в ответ на это из шалаша появилось другое существо — по всей видимости, его супруга. Оба затараторили что-то, рассматривая меня и ружье, и, очевидно, решили, что находка интересная. «Господин Звено» подвел меня наконец к дереву, привязал лианами, а сам ушел, прихватив с собой дубину.

Нечего говорить, что я почувствовал себя неважно. Без ружья я был беспомощен, а снова овладеть им не представлялось возможности. «Господин Звено» привязал мои руки к стволу с опытностью старого моряка. Из того, что он взял с собой дубину, я заключил, что меня они не считают подходящим для пищи (насколько мне известно, обезьяны мяса не едят); но, с другой стороны, от этих созданий, представлявших середину между человеком и обезьяной — можно ожидать и человеческих вкусов!.. Может быть, сочтя меня за животное, они решат попробовать *и этот* сорт мяса?!..

«Госпожа Звено» уселась на земле около меня и начала глазеть довольно-таки восторженным взглядом. Я и думаю себе: «Влетел, милый мой Джек Андерсон! Остается тебе извлечь из этой истории все, что возможно; значит, прежде всего следует тебе подружиться с этими «Звеньями»! — и я улыбнулся ей самым очаровательным образом:

— Очень рад с вами познакомиться, душенька!

Это сразу подействовало: улыбнуться она не могла — по строению своей, с позволения сказать, морды, но зачавкала и захихикала каким-то горловым звуком с очевидным удовольствием; потом встала и потрепала меня по щеке.

Я постарался удержать свою улыбку и начал говорить приятным и почтительным тоном.

Конечно, я знал, что она не понимает ни одного слова, но рассчитывал на чутье женской породы, которое должно было подсказать ей, что я восторгаюсь ее наружностью и преклоняюсь перед характером. Женщина есть женщина — даже если она «Звено». И я не ошибся.

V.

Ее супруг вернулся сравнительно скоро и принес убитого кролика. Они немедленно уселись завтракать, не имея, очевидно, понятия о костре: просто разрывали кролика руками и зубами и ели сырого. Через несколько минут «Госпожа Звено» выбрала хороший кусочек и бросила его мне. Я поглядел на нее с упреком, как будто говоря: «Как же вы хотите, чтобы я ел со связанными руками?» Она поняла, потому что сказала что-то своему мужу, и он подошел и развязал меня. Не медля ни минуты я уселся между ними и с приятной улыбкой принялся уписывать сырого кролика так, словно это был пудинг.

Добродушный они были народ; и, прежде чем мы кончили завтракать, было, видимо, решено, что я безвредное существо, и что меня интересно будет оставить — в роли домашнего животного.

Я не буду вам описывать каждого часа, проведенного в этом «доме». Скажу в общем, что приблизительно четыре недели пробыл я у них, и все это время они обращались со мной ласково, даже баловали: спал я в их шалаше, постель из листьев сделали они для меня вдвое толще своей, и когда заметили, что сырым мясом я, в сущности, не увлекаюсь, то стали кормить меня какими-то огромными, вкусными орехами. Только ружья не отдавали и из дому не пускали; «Господин Звено» и с собой меня в лес не брал и одного не отпускал, так что я постоянно оставался дома, вдвоем с его супругой.

У них несомненно существовал свой язык — и я даже начал понимать несколько слов, но потом забыл.

Так вот мы с нею много разговаривали, когда оставались вдвоем; я по-своему, а она по-своему; и — уж не знаю почему ей это доставляло удовольствие.

Я для них сделал кое-что действительно полезное: увеличил и улучшил их шалаш — так что они своим глазам не верили; сделал им из шипов вилки и испытывал большое искушению познакомить их со спичками; но у меня была в кармане только одна коробка, и я должен был беречь ее — на случай, если вырвусь на свободу. О существовании этой коробки они не подозревали, как не подозревали о существовании самих карманов: за все время моего пребывания у них я ни разу не снимал одежды, и им и не снилось, что она снимается: по их мнению, очевидно, она представляла особый вид шерсти, и я родился в готовом виде — в голубой фланелевой рубашке и изодранных брюках. Раз как-то «Госпожа Звено» обратила особенное внимание на протертое колено, приняла это, должно быть, за ссадину и принялась любезно растирать больное место каким-то растительным клеем, за которым тут же слезила на дерево. Словом, эта парочка обращалась со мной самым любезным образом.

«Госпожа Звено», надо сказать правду, сделала на меня изрядную стойку! Пожалуйста, заметьте, что я отношусь к ее характеру и нравственности с полным уважением: эти «Звенья» были вполне достойными супругами; но новость и таинственность моего существа, очевидно, внушили ей

платонические чувства, и за это упрекнуть ее никак нельзя. Она всегда выбирала для меня лучшие куски, приносила воду в какой-то шелухе, выкапывала какую-то съедобную репу и никогда не уставала трепать меня по щеке. Ее супруг не ревновал ни капельки.

Между тем я продолжать стремиться всеми моими мыслями к ружью. Я не знал, куда они его запрятали и что о нем думали; может быть, находили в нем что-нибудь недостойное приличного дома.

Мне совестно признаться, что я овладел моим ружьем посредством хитрости, познакомив «Госпожу Звено» с искусством целоваться.

Я не раз объяснял ей, что прошу отдать мне ружье, и она наверное понимала — но ружья не приносила. Тогда, в один из наших tête-à-tête, я обнял ее за талию и поцеловал. Это произвело на нее поразительное впечатление; она пришла в неописанный восторг и научилась нашему тонкому искусству в две минуты. Я сейчас же прекратил урок. Когда мы опять остались одни, она начала оживленно объяснять знаками, чтобы возобновить это новое занятие; но я делал вид, что ничего не понимаю, и упорно требовал свое ружье. Тогда она вскочила и убежала в чашу; я думал — рассердилась, но нет: через несколько минут приносит мне ружье. Тут я ее поцеловал самым искренним образом и, говоря по правде, почувствовал даже нежность, хотя физиономия у нее была отвратительная.

Я спрятал ружье под свою постель — что она, очевидно, одобрила: значит, взяла для меня ружье из потайного места не без риска разгневать своего супруга. Ночью, когда они оба крепко уснули, я выскользнул из шалаша.

Мне совестно было уходить таким образом, без прощанья, не сказав дружеского слова, — но, конечно, это было невозможно. Чтобы хоть чем-нибудь выразить свою благодарность, я оставил подле постели «Госпожи Звено» осколок зеркала, который носил в кармане. Надеюсь, это ее вознаградило за разочарование.

Почти всю ночь я бежал, так что к утру между нами было миль пятнадцать. Потом прилег заснуть, а когда проснул-

ся, солнце было уже высоко, и сквозь чашу блестело что-то голубое: я добрался до моря!..

На мое счастье, не очень далеко от берега проходил пароход; я начать делать всякие знаки и около полудня был уже среди европейцев.

Ну, а теперь, джентльмены — верьте или не верьте, это ваше дело, но «Недостающее Звено» живет где-то у восточных берегов Индостана: мне это доподлинно известно, хотя и не я нашел его, а *он* меня. Я никому этого раньше не рассказывал, потому что не хочу, чтобы меня приняли за репортера; но если бы вы видели мое ружье, то без труда

разглядели бы на нем следы зубов, потому что мои любезные хозяева его основательно пробовали на вкус. И это доказываете одно из двух: или на свете есть человек, который может почти насквозь прокусить литую сталь; или этот человек есть «Недостающее Звено», которое так желал бы отыскать господин профессор.

Сергей Семенов

ТАЙНА ИСКОПАЕМОГО ЧЕРЕПА

Научно-фантастический рассказ

Иллюстрации С. М. Мочалова

ТАЙНА ИСКОПАЕМОГО

I.

Просторный, тепло натопленный кабинет профессора Венедиктова. Предметы застыли в объятиях изумрудного тумана, изливающегося от большой электрической лампы в глухом зеленом колпаке.

Еще молодой ученый-антрополог сидел в глубоком кожаном кресле у стола. Он тоже застыл, с головой, откинутой назад. Глаза были закрыты. Руки лежали на мягких подушках кресла. Изредка открывая глаза, но не меняя позы, поворачивал он их в сторону какого-то блестящего предмета на столе, под стеклянным колпаком. Высоко приподнятые брови и складки на лбу говорили, что он напряженно и мучительно думал.

Пять месяцев настойчиво бился молодой исследователь над объяснением этого удивительного предмета, представляющего собою не что иное, как отполированный череп ископаемого человека. Бессонные ночи, напряженно-деятель-

ные дни — все было отдано в жертву этому загадочному носителю давно потухшего разума.

Череп найден лишь полгода назад на Урале. Но за это короткое время он успел произвести необычайную сенсацию в научном мире. Жрецы не только таких близких к антропологии наук, как биология, зоология, палеонтология, но и историки культуры, психологи и даже философы Европы и Америки были глубоко взволнованы изумительной находкой русского ученого.

Надо сказать — волнение было вполне основательно. Как внешние признаки самого черепа, так и условия, при которых он был найден, оказались совершенно неожиданными. Они разрушали целый ряд прочно сложившихся взглядов о происхождении и древности человека. Палеоантропология готовилась рухнуть до самого основания.

Строение черепа носило исключительный характер. Ни первобытный, ни современный человек не обладали такими формами. Это не было даже нечто среднее между ними. Но все же череп был несомненно человеческий. Он носил на себе печать высоко развитого разума. Некоторые ученые готовы были признать в нем представителя некой, давно исчезнувшей, сверхчеловеческой расы.

Высота черепной крышки, емкость мозговой полости, тонкие линии подбородка и всей нижней челюсти, величина и форма глазниц, прекрасные, цвета слоновой кости зубы свидетельствовали о необычайной природе этого ископаемого человека.

Наиболее поразительным фактом было не столько внешнее строение, сколько внутреннее содержимое. При вскрытии, в полости черепа обнаружили окаменевший мозг. Случайные геологические условия сохранили его от разложения. Частотой извилин и глубиной борозд он далеко превосходил мозг современного человека. Наряду с этим изумляли феноменальным развитием лобные доли мозга — центры мыслительной деятельности. Судя по всем признакам древний обладатель мозга был вооружен непостижимой силой ума. Это было какое-то сверхгениальное существо, до сих пор не известное на земле.

Череп был найден, к величайшей неожиданности ученых, в слоях Юрского периода, в геологических отложениях конца первой половины Мезозойской эры.

Наука встала в тупик. Ей был нанесен сокрушительный удар. Кто мог думать об этом? Высокоразумный человек — в эпоху гигантских пресмыкающихся!.. Цвет мира млекопитающихся — в царстве примитивных чудовищных созданий? Что после этого думать о теории эволюции, о дарвинизме? Разве можно верить утверждениям, что человек произошел от обезьяноподобного существа, раз он жил еще в то время, когда не было даже простейших млекопитающихся?

Вот целый ряд вопросов, которыми закидали несчастных эволюционистов. Устои естествознания заколебались.

Понятно, что анти-дарвинисты не замедлили воспользоваться растерянностью противников. Для них находка была на руку. Она служила неопровержимым доказательством неживотного происхождения человека.

Какая-то американская антропологическая школа, с теологическим уклоном, выпустила целое воззвание по поводу непреложности священного писания о творении человека. Вслед за этим в некоторых штатах дарвинова теория была изгнана из преподавания. Учителям естествознания вменили в обязанность при объяснении природы человека ссылаться только на текст Библии.

В Англии, некий ученый-аббат даже высказал мысль, что по всем признакам череп должен принадлежать не кому иному, как самому праотцу человеческого рода, старику Адаму.

Но, как и всегда бывает, шумиха скоро улеглась. Верные адепты эволюционного учения сначала злосчастную находку подвергли сомнению, а затем и категорически отказались верить в ее существование. Противоположный лагерь тоже успокоился. Он окончательно удовлетворился одержанной победой. В научном мире все снова потекло по прежнему руслу. Только немногие не отделились общему настроению. Они замкнулись в кабинетах и целиком погрузились в работу.

Профессор Венедиктов только что возвратился из Академии Наук. Он там сделал доклад и теперь размышлял над результатами диспута.

Ему, тоже воспитавшему свой ум на теории постепенного развития органической жизни, трудно было допустить, что многие сотни миллионов лет назад могло жить существо, превосходившее человека. Ведь никаких следов за все время существования науки не было найдено. Человек, по всем ископаемым данным, появился поздно. Временем его зарождения считают только начало четвертичного периода, которому не более миллиона лет. Причем первичного человека нельзя назвать разумным. В начале четвертичного периода мы имеем только Номо *primigenius*'а, стоящего почти на одной ступени с высшими обезьянами.

Однако, какой бы нелепой ни казалась мысль о человеке Юрского периода, — факт был налицо, а перед фактом должна была склониться теория. К такому выводу постепенно приходил профессор Венедиктов.

— Но, тем не менее, все же чрезвычайно странно! — рассуждал он. — Если действительно, существовал такой глубоко разумный человек, то почему ничего не было найдено вместе с ним?.. Ведь, судя по психо-физиологическим способностям, он должен был обладать величайшей культурой. Невозможно допустить, что от техники ничего не могло уцелеть. Точно так же было бы очень наивно думать, что его высокое умственное развитие происходило без всякой техники...

— Впрочем, — и сомнение стало овладевать ученым, — может быть, носитель черепа вовсе не обладал тем развитием, какое показывают психометрические измерения?.. Может быть, это было обыкновенное животное, случайно напоминающее человека?..

Волнуемый этим вопросом, профессор Венедиктов поднялся с кресла и с любопытством подошел к стеклянному колпаку.

Череп неподвижно стоял, заключенный в прозрачный сосуд. Глубокие, темные глазницы смотрели куда-то вдаль. На красивой лобной кости, на тонком подбородке играли

го человека сквозило беспомощное, теряющееся в бесконечных загадках мира, выражение. Широко раскрытые глазные впадины бессильно стремились объять необъятное, разгадать неведомое окружающее. Удивленно и жадно глядели они.

В выражении человека ископаемого не было никаких желаний. Оно излучало сияние нечеловеческого спокойствия и величия. Какая-то внутренняя невысказанная сила запечатлелась на нем. От того ли, что для него не было тайн, или потому, что не было дано приложения этой силе, спокойствие оттенялось дымкой печали.

Изумленный сравнениями, профессор Венедиктов снова опустился в кресло. Ему не раз приходилось сравнивать эти три черепа, но то были чисто анатомические, количественные измерения. Теперь он впервые взглянул на них с другой стороны. Не оставалось никаких сомнений, что череп принадлежал какому то высшему существу.

Продолжая раздумывать над сопоставлением, ученый глубоко ушел в цепь догадок и соображений. Кабинет по-прежнему спал зеленым сном. Неясными линиями предметы прорезались через полусвет.

Только когда часы глухо пробили девять, профессор Венедиктов встрепенулся и пришел в себя. Он вспомнил, что в этот час ожидал посещения известного немецкого психолога Людвиг Вейса, прибывшего в Россию с целью изучения мозга ископаемого человека.

Для Венедиктова этот приезд не являлся ничем особенным. В течение пяти месяцев русского ученого непрерывно навещали представители самых разнообразных наук Европы и Америки. Глубоко заинтересованные, но в то же время бессильные помочь профессору Венедиктову, они уезжали обратно, недоумевающе пожимали плечами. Наученный грустным опытом, он и от сегодняшнего визита не надеялся получить что-либо существенное.

II.

Через четверть часа маленький, нервный в движениях человек, в темных выпуклых очках, сидел в кабинете.

Между учеными шел приподнятый волнением разговор.

— Я охотно соглашаюсь, — говорил профессор Венедиктов, — с теорией о зрительных отпечатках на мозговых клетках, но никакого практического приложения этой идеи не мыслю. Даже, если эти следы носят физический характер и подобны микроскопическим фотографиям, то все же извлечь их на божий свет, чтобы установить все виденное человеком, мне кажется пока еще неосуществимой мечтой.

— Да! — тихо, но убежденно произнес психо-физик, — зрительные отпечатки на мозговых частицах носят физический характер. Уже одно анатомическое строение глаза говорит за это. Его поразительное сходство с фотографическим аппаратом устраняет всякое сомнение. Что же касается воспроизведения и увеличения снимков, заключенных в клетках мозга...

— Простите, Негг Вейс! — с увлечением перебил молодой антрополог, — но одного внешнего сходства еще недостаточно, чтобы делать окончательный вывод. Как объяснить, в таком случае, тот факт, что многие виденные мельком картины и предметы внешнего мира не вспоминаются совершенно?.. А ведь они, несомненно, попадают в поле зрения. Мы помним только сильно поразившие нас объекты. Все мало нас интересующее исчезает без следа.

— Уважаемый коллега! — улыбаясь глазами, мягко возразил немец. — Все!.. все без исключения, попавшее в поле зрения, остается в мозгу. Психоаналитические работы школы Фрейда в области сновидений и опыты гипнотизеров над сомнамбулами показали это с неопровержимой достоверностью.

Профессор Венедиктов молча вынул из-под стеклянного колпака ископаемый череп. Снял блестящую черепную крышку и обнажил окаменевший мозг. Серо-желтоватая масса, изрезанная глубокими бороздами и бесчисленной сетью

мелких извилин, блеснула перед глазами ученых. Круто вздымавшиеся бугры и доли больших полушарий казались упругими и живыми телами. Нездешней мощью веяло от этого вместилища неведомого гения.

— Следовательно здесь, — сказал он, протягивая череп Вейсу, — в этом мозгу, заключено все, что видел его обладатель за всю свою жизнь?

Вместо ответа психо-физик бережно принял череп и с благоговением стал всматриваться, осторожно ощупывая мозг.

— Но каким же образом, — продолжал с легкой усмешкой профессор Венедиктов, — вы рассчитываете вырвать из этого камня его тайну? Скрытые в нем, в течение многих миллионов лет, картины жизни, мне кажется, никогда не раскроются перед нашими глазами.

С этими словами он утомленным движением откинулся на спинку кресла и, не скрывая добродушного удивления, стал следить за странными манипуляциями немца.

Последний не заметил иронии, и даже не слышал обращенного вопроса. Он дрожащими руками поворачивал череп и разглядывал мозг. Вынул из кармана фарфоровый флакон, обмакнул туда маленькую кисточку и слегка мазнул ею мозг. Раздалось едва слышное шипение. Обожженное место окрасилось в синий цвет.

Черты психо-физика внезапно задержались. Казалось, по лицу пробежала болезненная радость. Губы зашевелились, но не произнесли ни звука. Когда кисточка вторично коснулась мозга, с тем же эффектом, он медленно опустил череп на стол. Нервно вскинул темные очки на профессора Венедиктова и тихо, едва подавляя волнение зашептал:

— Реакция есть!.. Вы видели реакцию?.. Все химические составные части мозга сохранились... Окаменение не разрушило всей нервной ткани. Оно лишь произвело некоторые изменения, но они не отразились на многих следах зрительной деятельности.

Помолчав несколько секунд, добавил:

— Остается только испытать действие моего аппарата.

— Как! — взволнованно воскликнул антрополог. — Вы совершенно серьезно намерены... Вы хотите проникнуть в недра этого каменного мозга?..

Он с опасением окинул <взглядом> маленькую фигуру психо-физика. Тревожно перевел глаза на темные очки, словно хотел убедиться в порядке его собственного мозга.

— Я далек от всякой шутки, и... — Вейс хотел что-то добавить, но на несколько мгновений остановился. Достал из чемодана какой-то тяжелый металлический предмет, напоминающий волшебный фонарь, поставил на стол и продолжал:

— Если «лучи Фрама» окажутся достаточно сильны, чтобы разложить известковые слои, скрывающие мозг, мы проникнем в тайны этого черепа. Мы увидим картины жизни ископаемого человека. Перед вами — графобиоскоп. Он мною сконструирован на основе действия лучей Фрама, открытых недавно английским физиком.

— Это невероятно!.. Невозможно!.. — внезапно вскричал вскочивший с кресла профессор Венедиктов. — Мы будем видеть, что было сотни миллионов лет назад?!.. Здесь?!.. В этой комнате?!.. Сегодня?!.. Да мыслимо ли это?!.

— Через несколько минут, — спокойно ответил Вейс.

Неуловимый, бесформенный вихрь пронесся в сознании русского ученого. Предметы закачались, запрыгали перед глазами. Он нервно схватил чудесный аппарат, повертел дрожащими руками. Взгляд его был бессмыслен и дик.

Тем временем психо-физик расправил складной треножник и стал устанавливать посередине комнаты. Осторожно принял графобиоскоп и укрепил винтами.

Антрополог смотрел, не веря глазам.

— Прежде всего нам необходим световой экран, — заметил немец и соединил комнатный электрический провод с аппаратом. Из маленького рефлектора графобиоскопа вырвался яркий сноп лучей и залил ослепительным светом всю стену кабинета. Все бывшие на ней предметы исчезли. Сама стена нырнула куда-то в пространство. Осталась только прозрачно-белая, напоминающая зеркальную, поверхность.

Видя растерянное недоумение на лице антрополога, он пояснил:

— Соединение электрических лучей с лучами Фрама. — Затем взял со стола череп, поместил внутри аппарата и закрыл герметически прилегающей дверкой.

Когда было все готово, он выключил свет из лампы. Повернул рычажок в аппарате и быстро опустился в кресло рядом с профессором Венедиктовым.

III.

Сначала от графобиоскопа по кабинету потекли волны теплого воздуха. Внутри его происходил какой-то сильный процесс. Комнатный вентилятор звонко запел, увлекая нагретую атмосферу. Потом пение перешло в тонкий писк комара и стало едва слышно. На экран упали неясные тени каких-то очертаний. Через пять секунд — стали ярче. Через минуту — внезапно превратились в живую красочную картину.

На протяжении всего экрана раскинулась часть огромного озера. С двух сторон оно окаймлялось фантастическим лесом. Мутно-зеленая поверхность воды была совершенно неподвижна. Густые испарения серого тумана поднимались у берегов. Через желто-синюю пелену неба на озеро глядел мрачно-красный диск солнца. Вдали, за куском высокого утесистого берега, вздымал черные клубы дыма и красные языки огня величественный конус вулкана.

Перед зрителями был пейзаж юрского периода.

Вдруг картина изменилась с кинематографической быстротой. Перед изумленными глазами ученых осталась небольшая часть озера. Рядом развернулось низкое болотистое пространство. Невиданная растительность покрывала болото. Кошмарно-яркие краски и уродливые формы дышали жуткой и непонятной жизнью.

Первыми бросались в глаза багрово-красные, желтые, темно-синие тюльпаны в сорокаведерную бочку. Как огромные вазы из разноцветных камней, они неподвижно возвышались над болотом. Казалось не росли эти цветы, а вечно сидели на своих толстых черных стеблях. Неуклюжий, кряжистый, как олени рога кустарник, густой чашей окружал их со всех сторон. Вместо листьев на его ветвях торчали большие коричневые шишки.

Ни зеленой травы, ни мелких цветов, что украшают наши болота, здесь не было. Это было царство каких-то болотных исполинов. Везде во множестве змеились длинные лианоподобные растения. Они перекидывались с одного куста на другой, обвивали стебли цветов и ползли по воде.

Местами на кочках огромными спрутами сидели какие-то неопиcуемые исчадия растительного мира. Длинные щупальца были опущены в воду. Их серые тела грязными пят-

нами раскидывались по болоту. Иногда щупальца поднимались из воды с каким-нибудь маленьким животным. Тело жадно присасывалось к ним, а щупальца снова погружались в воду. Но это не были животные. Они скорее походили на плотоядные растения. Двигались только щупальца. Тела неподвижно сидели на одном месте.

В болоте и над болотом кишело великое множество самых невероятных по форме животных и насекомых. С одного цветка на другой перелетали черные бабочки в виде огромных летучих мышей. Крылатые змеи взвивались из воды и гонялись за ними. На лианы выползали страшные, утыканные иглами черепахи, в зубах торчали еще живые змеи. Они их медленно и равнодушно жевали.

Только немногие из этих пресмыкающихся питались растениями. Большею частью они пожирали друг друга. Крупные поедали мелких, последние — еще более мелких и слабых. Нередко мелкие собирались полчищами, набрасывались на больших и разрывали.

В воздухе царили гигантские паукообразные чудовища, с длинными перепончатыми крыльями. Слегка колебля крылья, они висели над болотом. Завидя добычу, с молниеносной скоростью кидались на нее, схватывали, и опять замирали в воздухе.

Временами над равниной, расправив могучие крылья, как тени проносились летающие ящеры.

Неожиданно картина снова сдвинулась. Часть озера исчезла. Осталось только одно болото.

— Атлантозавр! — вскричал профессор Венедиктов.

Ученые вздрогнули и прижались к креслам. По болоту двигалось титаническое страшилище. Даже на картине оно внушало безотчетный ужас. Это была целая гора. Чудовище неуклюже и тяжело ползло, то поднимая страшную голову на десятисаженной шее, то опуская ее вниз. Оно что-то разыскивало. Зеленые, выпуклые глаза рыскали темным светом по болоту. Необыкновенной длины и толщины хвост тащился вслед. Короткие крокодиловые ноги увязали в болоте по самое туловище. Вдруг атлантозавр остановился. Мгновенно кинул голову вниз и вырвал спрутообразное

растение. Когда оно исчезло в необъятной глотке, он двинулся дальше.

— Смотрите!.. Смотрите!.. Хищники!.. — воскликнул Вейс.

— Где?.. Какие хищники?.. — спросил профессор Венедиктов. — А!.. Действительно! Это мегалозавры — тигры юрского периода. Они, как видно, хотят напасть на атлантозавра.

Высоко подпрыгивая, хищники быстро приближались к чудовищу. Их было около десятка. Они были несравненно меньше атлантозавра, но ужаснее его. Одетые в твердый панцирь, эти животные походили на огромных аллигаторов, но на длинных и гибких ногах. Кроваво-красные глаза горели огнем ненасытной алчности.

Атлантозавр вздрогнул всей массой тела. Длинная шея сократилась. Голова с раскрытой пастью повернулась навстречу хищникам.

Но — вот передний остановился в двадцати метрах. Откинулся назад и взвился в воздухе дугой. Атлантозавр с такой же быстротой выпрямил исполинскую шею и метнул навстречу страшную голову. Но промахнулся. Хищник упал ему на спину. Кривые мечи когтей врезались в основание шеи. Из-под челюстей брызнули струи черной жидкости и потекли в болото.

Вслед за первым на атлантозавра свалились еще два хищника. Один впился в хребет, а другой высоко подпрыгнул и вцепился в самую середину шеи.

Атлантозавр рванулся вперед, пытаясь стряхнуть <хищников>. Потом изогнул кольцом шею и раскрошил одного пополам. То же последовало и с другим. Но сидящего на шее он не мог достать. Напрасно, как стальную пружину, он сгибал и выпрямлял свою могучую шею. Хищник только глубже врезался в нее, вместе взлетая в воздух.

Остальные семь — уже сидели на спине. Ключья кожи, куски мяса летели в болото. Их тут же пожирали сотни мелких тварей.

Снова огромная голова взметнулась два раза. Двое хищников далеко упали бесформенной массой. Но на третий

раз голове не удалось схватить нового врага. Она с раскрытой пастью бессильно откинулась назад.

Вместе со зверем, шея медленно разогнулась, высоко поднялась к небу и застыла, как каменный обелиск, в неподвижности. Истерзанное туловище извергало потоки крови.

Наконец, голова качнулась и вместе с шеей стала, судорожно вздрагивая, опускаться вниз. В то же мгновение на кровавую арену, как гарпия, упал крылатый ящер. Он подхватил одного хищника и исчез в высоте. Остальные соскочили с умирающего чудовища. Тревожно подняли окровавленные головы к небу. Затем длинными прыжками рассеялись по болоту. Атлантозавр издыхал.

— Какой ужас! — глухо проронил профессор Венедиктов.

Психо-физик молчал. Он был подавлен зрелищем жизни юрского периода.

Когда профессор Венедиктов снова взглянул на экран, ни умирающего гиганта, ни болота там уже не было. Мелькали какие-то неуловимые картины. Ключья непонятных пейзажей сменялись безднами то темно-синего, то голубого неба, то клубами серо-желтого тумана.

— Что это значит? — удивленно спросил профессор Венедиктов.

— Мозговые клетки потревожены. Вероятно, окаменением сделано много повреждений, — ответил Вейс.

IV.

Через три минуты мелькание прекратилось. На экране распростерлось ровное безжизненное плато. Его окружали высокие вершины гор с белыми снеговыми шапками. Ясное голубое небо с ослепительно белым солнцем покрывало горную равнину. Плато было пустынно.

Далеко из-за гор, сливаясь с голубым небом, к плато приближался отливающий серебром шар. Он быстро летел по прямой линии. С каждой секундой увеличивался.

— Как жаль! — прервал напряженное внимание Вейс, — что мы не можем видеть и никогда не увидим того, кто ожидает прибытия этого шара. Ведь это и есть обладатель нашего черепа!

Шар вдруг брызнул длинным зеленым лучом на плато. Как метеор пролетел по косой линии и упал вниз. На его блестящей поверхности открылся круглый люк. Оттуда, с необычайной грацией и легкостью, выскочили две человеческие фигуры. На них не было почти никакой одежды. Тела облегали только короткие полупрозрачные туники, собранные на груди тонким золотым поясом. По формам тела — это были еще юные мужчина и женщина. Их тела, точно выточенные из перламутра, были прекрасны. Лица светились каким-то извечным внутренним огнем.

— Настоящие Амур и Психея! — не стерпел восторженный профессор Венедиктов. — Неужели — это люди Юрского периода?

Юные существа отошли на несколько шагов от шара. Остановились. Затем почтительно склонив головы, замерли в ожидании. К ним кто-то приближался. Но его не видно было. Это было заметно по тому, как их фигуры увеличивались. словно они сами двигались все ближе и ближе к экрану.

Наконец, они подняли головы и, улыбаясь, стали что-то говорить. Лица их были обращены в сторону кабинета с ископаемым черепом. Казалось, что они вели беседу с ним, неслышную и непонятную очарованным и изумленным ученым.

— Herr Вейс!.. Herr Вейс! — умоляюще воскликнул профессор Венедиктов. — Они с нами говорят!.. Обращаются к нам!.. И мы ничего не можем ответить!.. Милые, прелестные существа!.. Как жалок ваш аппарат, Вейс! — Его голос звучал отчаянием и тоской.

— Нет, — едва слышно ответил психо-физик. — Они не к нам обращаются, а к черепу. То есть обращались и говорили много миллионов лет тому назад, когда этот череп был облечен в живое тело.

— Но неужели мы его не увидим? — не унимался профессор Венедиктов. — Кто он такой?.. Может быть, их отец?.. Как они попали сюда?..

Психо-физик не отвечал. Сам ничего не знал.

Картина изменилась. На экране оказалась внутренность небольшой комнаты, наполненной розоватым светом. Ни окон, ни ламп не было. Свет струился из какого-то скрытого источника. У стен стоял ряд блестящих аппаратов из бледно-фиолетового металла. Аппараты имели коническую форму. По бокам было множество черных рычажков. Между ними поднимались до самого потолка бронзовые цилиндры. Серебряный ажур маленьких стрельчатых арок соединял цилиндры друг с другом.

Посередине комнаты, на высокой подставке, находился большой прозрачно-синий шар. На его поверхности мерцали подобно звездам золотые точки. Шар тихо вращался на оси.

Часть одной стены внезапно исчезла. В комнату вошел юноша. Он приблизился к ближайшему аппарату и нажал рычаг. На противоположной стене появилось огромное зеркало, в котором отразилась вся прежняя картина. Ученые увидели пустынное плато, а на нем белый шар.

— Это что такое?.. — Я ничего не могу понять! — с недоумением пробормотал профессор Венедиктов. Но в ту же секунду он увидел в зеркале, как шар оторвался от плато и устремился вверх.

— А-а!.. Да это каюта в самом шаре! — догадался он.

— Совершенно верно! — подхватил Вейс. — А в зеркало отражается его полет. Смотрите! Плато уже исчезло. Кругом какие-то горы. С помощью этого удивительного зеркала, они, очевидно, ориентируются в пространстве.

Тем временем юноша подошел и прикоснулся к синей поверхности шара. В прозрачной глубине вспыхнул слабый свет. Золотые точки потухли. Шар превратился в копию какой-то планеты.

— Не Земля ли это? — подумал профессор Венедиктов.

— Нет Вейс! — мне кажется, это глобус нашей Земли в Юрский период. Огромные пространства воды. Мало суши. У полюсов — только маленькие темные пятнышки. Вы как полагаете?

— Да! Должно быть она — в пору своего юного расцвета. Наш молодой аэронавт, вероятно, определяет место нахождения шара. Видите? По глобусу ползет белая точка. Она движется по океану к какому-то материку. Это и есть шар! Теперь взгляните на зеркало.

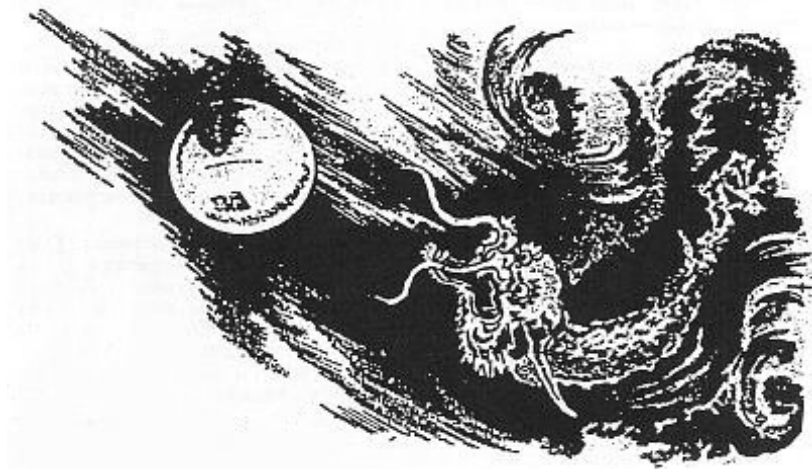
Профессор Венедиктов посмотрел на чудесное стенное зеркало. Там серебряный шар неся со страшной быстротой над бурлящими водами океана. Материка еще не видно было. Гигантские волны, как живые горы, ходили по необъятному пространству, одеваясь в белую пену. Черные тучи косматой непроницаемой завесой закрывали небо. Десятки смерчей в бешеной пляске гонялись один за другим. Как чудовищные винты, они сверлили и рвали океан.

Шар летел низко. Его непрерывно обхватывали тучи, со злобными порывами набрасывались смерчи. Но шар неуклонно летел вперед. Он то исчезал в черных тучах, то снова появлялся. По временам шар пронизывал бесконечно длинным, зеленым лучом беснующийся мрак, как бы прокладывая себе путь.

Ученые не отрывались от грандиозной картины. Юноша тоже смотрел туда задумчивым взором.

Шторм стал постепенно успокаиваться и редеть. Шар вылетел из его мятежной стихии. Темная сплошная масса туч разорвалась. Как клочья истерзанных крыльев, она трепалась страшными порывами ветра. Смерчи исчезали.

Вдали показался берег материка. Шар замедлил полет. Он скоро летел над исполинским сумрачным лесом, окутанным в серо-желтый саван испарений.

Вдруг ученые громко и тревожно ахнули. Из леса вынырнула масса какого-то чудовища и устремилась за шаром. Его можно было сравнить только с мифическим драконом. Блестя черной чешуей панциря, чудовище хищно змеилось в воздухе. Несколько пар узких могучих крыльев двигались с изумительной быстротой.

— Оно пытается настигнуть шар!.. — испуганно прошептал профессор Венедиктов.

Юноша с улыбкой посмотрел на дракона. Потом слегка надавил рычаг.

Шар метнулся вперед. Дракон остался позади. Но вдруг он вытянулся и стрелой погнался за шаром. Крыльев почти не видно было.

— Какое совершенное чудовище! — воскликнул Вейс. — Даже трудно поверить, что оно существовало в действительности. Ведь палеонтологии о нем ничего не известно!

— Он настигает!.. Настигает!.. О, ужас! — со страхом шептал профессор Венедиктов.

Дракон быстро приближался к шару. Юноша с улыбкой продолжал смотреть. Его видимо, забавляла эта погоня. Чудовище почти касалось шара. Улыбка на его лице исчезла. Рука поднялась к бронзовому рычагу на стене, но в это время в дверях каюты появилась воздушная фигура девушки. Юноша изменил свое решение. Рука снова легла на рычаг аппарата. Шар, со скоростью пушечного ядра, устремился вперед. Кругом все слилось в прозрачно-серую мглу.

Когда шар опять замедлил полет, — первобытного леса не было. Вокруг, как и прежде, расстилался необъятный простор океана. Огромный багровый диск солнца, наполовину погрузившись в океан, изливал море ослепительного пурпура. Шар остановился. Вместе с кровавыми отблесками заката стал медленно опускаться вниз. И сел на зеркало воды. Ровные круги расступились и поплыли по океану, мерно увеличиваясь.

— Прекрасное зрелище! Что за чудная панорама! — произнес профессор Венедиктов, мечтательно глядя на океан.

— Да!.. Картина прекрасна! — задумчиво протянул и психо-физик. — Но я все же не в состоянии во всем этом разобраться. Здесь какая-то тайна! Кто эти существа? Мы видели только природу Земли, ее чудовищных обитателей. Никаких признаков человека, ни малейших следов техники нет. Шар и его прелестные пассажиры — с кем-то еще третьим — не принадлежат к этому миру. Но откуда они?.. Быть может, с какой-нибудь иной планеты?..

Психо-физик умолк. Оторвал взгляд от экрана, и задумался над неожиданной догадкой.

— С другой планеты? — недоверчиво повторил профессор Венедиктов. — Но тогда зачем они здесь, на этой первобытной и дикой Земле?..

Не получив ответа, он стал смотреть на экран.

Солнца уже не было. Оно утонуло в глубине океана. Осталась длинная кайма оранжевой зари. По синему небу выплывала полная луна. Такой луны антрополог никогда не видел. Он несколько раз намеревался обратить внимание Вейса, но не в силах был оторвать очарованного взора. Словно окутанная бриллиантовой мантией, луна струила в океан лучи неопикуемого света. Она искрилась разноцветными огнями и плыла, как ночная царица. Чудный лик был опоясан ореолом фиолетовых, желтых и зеленых кругов.

V.

Молодая чета снова появилась в каюте. На них не было прежних полупрозрачных туник. Тела были задрапированы в длинные белые одежды. Головы украшались высокими сапфировыми тиарами. Они подошли к синему шару. Юноша прикоснулся к оси шара. Вращение прекратилось. Внутри вспыхнул синий свет. Прежние очертания Земли исчезли. Из синей глубины всплыл ярко-белый шарик и стал расти. Он напоминал маленькую Луну.

— Смотрите! Что это?.. Что такое с Луной? — громко закричал профессор Венедиктов, указывая на зеркало. С Луной происходило нечто невероятное. Она быстро увеличивалась в размерах. Казалось, что Луну притягивала некая непреодолимая сила.

По мере приближения Луны, в синем шаре происходило соответствующее увеличение ее маленького отражения.

Психо-физик долго и пытливо смотрел то на шар, то на зеркало. Потом неожиданно подскочил на мягком кресле. Вытянул голову к профессору Венедиктову и тихо спросил:

— Вы понимаете?..

— Нет! ничего не понимаю! — грустно ответил антрополог, не отрывая глаз. Но тут же нерешительно добавил:

— Может притяжение только оптическое?..

— Ну, конечно! — радостно и уже громко проговорил Вейс.

— Зеркало, очевидно, обладает, кроме катоптрических и телескопическими свойствами. Но весь секрет, кажется, в этом чудесном синем шаре.

Луна все увеличивалась. На ней ясно вырисовывались замкнутые окружности горных цепей. Видны были морские бассейны и материки. Скоро Луна заняла все зеркало. Она распростерлась во всю величину неба. Закрыла своим безграничным телом весь горизонт, океан и мириады звезд. Несказанно грандиозным зрелищем она развернулась перед глазами подавленных ученых. В зеркале умещалась уже только незначительная часть планеты. Какой-то одной точкой она приближалась, раскрывая картины таинственного мира.

Ученые уже отчетливо различали обширную долину. Посредине, у зеркальной поверхности озера, виднелись величественные сооружения какого-то города. Во все стороны от него тянулись длинные ровные каналы. Целые караваны блестящих тел, эллипсоидной формы, двигались по каналам. В воздухе носились в разных направлениях белые серебряные шары!

Никакой растительности нигде не было. Всюду сверкали разноцветные металлы. Ими отливали причудливые формы огромных дворцов, высоких цилиндрических башен со стеклянными куполами. Скрещивались и извивались линии легких арок и мостов, перекинутых с одного сооружения на другое.

От сочетания металлических цветов и архитектурных форм веяло недостижимой красотой и совершенством. Растительный мир казался бы немислимимым нарушением гармонии. Это был особый мир. Его создал какой-то высоко развитой разум.

— Ну, а где же живые существа, обитатели?.. — думал профессор Венедиктов, тщетно пытаясь отыскать глазами хоть одного лунного жителя.

— Негг Вейс! Ведь это — какой-то мертвый город-механизм! Где же селениты?

И действительно, обитателей в лунном городе не видно было. Глухие, замкнутые тела шаров и эллипсоидов двигались подобно частям одного гигантского механизма.

Весь город был залит прямыми лучами яркого солнечного света. Отсутствие теней и режущий блеск металла указывали на нестерпимый зной, царящий над городом. Он казался раскаленным миром. Стройные линии каналов и поверхность озера кидали ослепительные отблески расплавленного серебра.

Вдруг приближение прекратилось. Но это произошло так неожиданно, что у ученых даже вырвалось единодушное восклицание. Словно они вместе с кабинетом упали в центр лунного города. Но в то же мгновение на экране снова замелькали неясные тени.

— Не ошиблись ли мы? — обратился к психо-физику профессор Венедиктов. — Не был ли то обратный полет шара на Луну? Ведь они, кажется, оттуда?!..

Психо-физик снял свои темные очки. Тщательно протирая их носовым платком, спокойно ответил:

— Не думаю!.. Если бы это было так — мы ничего не увидели бы. Владелец нашего черепа, — по-видимому — третий пассажир, — благополучно возвратился бы на Луну. Несомненно, общение с Луной было только оптическое! Оно носило, быть может, чисто отчетный характер об этой экспедиции селенитов на Землю...

Но он не успел окончить. На экран опять упала картина каюты с юными путешественниками. В зеркале был виден океан с шаром на поверхности. Серебристо-розовый диск быстро удалялся.

— Вы видите?!.. — изумленно встрепенулся Вейс, указывая рукою на синюю бездну океана. — Чем это объяснить?..

Из темной глубины, поблескивая лунным светом, появлялись и исчезали какие-то черные тела. Их было несметное множество. Вся видимая часть океана казалась сплошь живой массой.

— Мозазавры!.. — воскликнул профессор Венедиктов, когда у самого шара из воды вынырнуло исполинское змееобразное чудовище. Свернувшись в воздухе кольцом, чудовище скрылось в глубине. За первым взлетело второе, третье, четвертое... Вся поверхность океана запрыгала, заволновалась.

— Вот еще, еще! Смотрите!.. Плеозавры, ихтиозавры! — кричал профессор Венедиктов, испуганный жутким зрелищем. Из бездны выплывали все новые чудовища. Океан пенился, и бурлил от их бешеной пляски. Каскадами брызг и пеленами пены он одевал обезумевшие тела.

Внезапно весь горизонт окрасился ярко-багровым пламенем. Чудовища со страшной стремительностью замотались, извиваясь и взлетая в воздух. Они как бы пытались

уйти из ужасных глубин океана. Бешено накидывались друг на друга, сплетались в фантастические клубки. Разрывали чужие и свои собственные тела под властью какого-то безотчетного ужаса. Кровавое зарево охватило все небо.

Из глубины океана поднялся вулкан. Чудовища заматались, взвиваясь и взлетая на воздух...

Океан вздымал столбы и горы воды. Вдруг, на мгновение, океан замер и ровным светом отразил на себе пламенеющее небо. Потом дрогнул и всей бездной поднялся к небу, стремясь залить его безграничное пространство. Но тут же рухнул вниз и бессильно затрепетал в смертельной агонии. Как могильный памятник, из его глубин выросла черная громада конической огнедышащей горы. Море черного дыма сковало небо непроницаемым мраком. Только раскаленная пасть горы разрежала тьму тусклым столбом пламени. Но это продолжалось два-три мгновения. Вулкан вдруг дыхнул только одним огнем. Хаос снова озарился мертвящим светом. Но жерло раскололось, не выдержав внутреннего напора. Вся гора распалась на две части и исчезла в недрах земли, увлекая трепещущий океан.

Черный, непроглядный мрак снова поглотил все, но уже вместе с экраном. Он долго не рассеивался. Когда исчез — остался только прозрачно-белый и пустой экран...

Вейс пришел в себя первый. Он выключил работу аппарата и осветил кабинет зеленой лампой. Открыл металлическую дверку графобиоскопа. Изнутри на ученых глянул обутленный, обезображенный лик черепа. Почерневшие орбиты глазниц укоризненно смотрели из глубины.

Профессор Венедиктов испуганно выхватил его и приподнял пережатую черепную крышку. Под ней зияла черная и пустая полость. Мозга не было.

Он громко ахнул и взглянул на Вейса с горестным изумлением. Череп выпал из рук. Глухо ударился об пол и распался на множество мелких осколков.

Чарльз Робертс

НА РАССВЕТЕ ВРЕМЕН

Появление человека

Это было тоже на рассвете времен, но позже, позже, может быть, на две, на три сотни тысяч лет. Теперь по свежей, зеленой, юной земле, до того могучей, что она залила даже полюсы тропической роскошью цветов и деревьев, бродили чудовищные млекопитающие.

Царство исполинских ящериц окончилось.

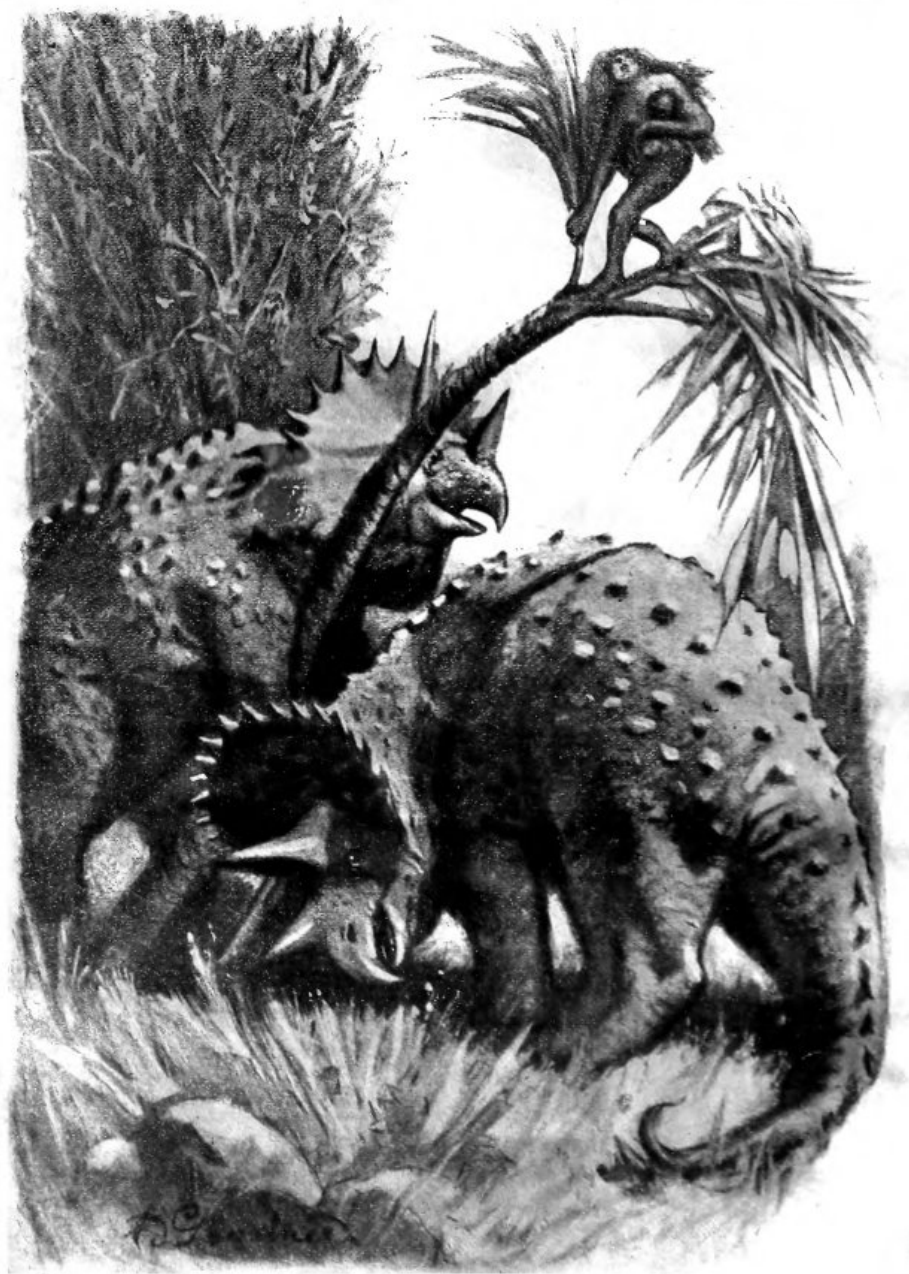
Немногие представители их породы, колоссальные и все еще ужасные, ютились в обширных, одетых туманом, и покрытых тростниками саваннах, сохранившихся еще от предыдущих веков.

И страшным казался исполин, теперь поднявший свою огромную трирогую голову над покрытой лилиями поверхностью стоячей заводи. Он медленно двинулся к берегу. Там он остановился. Постояв, колосс вытряхнул дождь брызг из впадин своей громадной, странно защищенной головы.

Его холодно бешеные глаза, сидевшие в похожих на очки роговых выпуклостях, осматривались во все стороны; казалось, он чувствовал присутствие врага. Его исполинский нос, загнутый, точно клюв попугая, высоко поднялся, нюхая воздух. Потом гигант открыл свой страшный рот и закричал; раздался вой, похожий на рев аллигатора и на рыкание тигра, но гораздо громче.

И вот, в ответ на этот вызов из заросли бамбуков вышло огромное черное животное и остановилось, глядя на короля ящериц, динозавра, своими маленькими, злыми свиньиными глазами. Старый мир столкнулся с новым. Титанический представитель исчезавшей расы динозавров встретился с одним из тех млекопитающих, которых природа пробовала создавать.

Окружающая картина казалась подходящей рамкой для их встречи. Отдаленный берег заводи частью представлял болото с густыми зарослями, частью саванну, поросшую тростником и цветущими травами, которые поднимались на пятнадцать, двадцать футов. Ближайший — покрывала земля, смешанная с песком и одетая короткой золотисто-зеленой травой; ее усеивали островки бамбука, юбы, и ман-

говых деревьев с примесью колючих акаций, снабженных страшными шипами.

Король ящериц — динозавр, имевший двадцать футов длины и около восьми высоты, был одет мощной броней и тяжело ступал на колоннообразные ноги. Его коричневую с желтым кожу вдоль шеи и плеч усеивали остроконечные роговые выпуклости. Его громадный мясистый хвост, длиной футов в семь и при основании толщиной фута в два, постепенно суживался к концу и волочился по земле. Страннее всего в динозавре была его чудовищная и страшная голова. Начиная от конца жесткого клюва, голова эта постепенно расширялась и во лбу достигала пятифутовой ширины; общая ее длина была более семи футов. На ней сидели три рога, — один на носу, другие два как раз над глазами; страшно толстые при основании, они были остры на концах.

Шею и плечи чудовища защищали роговые пластины, похожие на щиты гигантской черепахи.

Противник динозавра был не так странен, зато еще плотнее. Он имел не более двенадцати футов в длину, и его короткий хвост походил на какую-то завитую подвеску. В высоту он достигал только семи футов. Его слоновые ноги, казалось, могли действовать с изумительной ловкостью. Голова животного служила его самой характерной чертой. Длинная, массивная, с плоским носом, она была вооружена не только шестью рогами, сидевшими попарно, но и убийственными клыками, в роде моржовых, но гораздо короче и острее их. Первые два рога животного помещались на конце его широкого носа; это были просто костяные наросты, и с их помощью оно только выкапывало корни, как свинья, которая отыскивает трюфели. Вторая пара рогов, сидевшая на середине длинной морды, над глазами, имела около восемнадцати дюймов длины и служила страшным оружием; третья пара была не менее страшна; она возвышалась на черепе, как рога антилопы. Маленькие впалые глаза страшилища злобно поблескивали.

Несколько минут оба чудовища смотрели друг на друга с инстинктивной ненавистью. Динозавру казалось, будто

новый пришелец ворвался в его владения; кроме того, его раздражал неприятный кисловатый запах животного, сильно отличавшийся от острого мускусного аромата его собственной породы.

В свою очередь динотерий был в хроническом состоянии злобы. Он жил одиноко; остальные товарищи выгнали его из стада за дурной нрав. Видя, что противник не двигается, он страшно захрюкал; так могло бы хрюкать целое стадо рассерженных свиней. Потом, опустив вооруженную морду в траву, он быстро подбросил целый фонтан промокшей земли.

Королю-динозавру это показалось невыносимым оскорблением. С жестоким ревом он двинулся вперед, перекачиваясь и сотрясая землю. С новым хрюканьем и втрое быстрее пресмыкающегося черный динотерий кинулся ему навстречу, опустив голову, как нападающий бизон. Они сшиблись, — но не голова с головой, как надеялся динозавр, который тогда победил бы наверно. Черный незванный гость был хитер: в последнее мгновение он отскочил, быстро повернулся, с ловкостью, невероятной для создания его сложения, и ринулся на плечо исполина с яростным движением кабана. Однако, динотерий ударил в край той непроницаемой брони, которая защищала динозавра. И его удар пропал даром. Громадное тело, твердо стоявшее на широко расставленных колоннах-ногах, слегка качнулось, динозавр кашлянул и наклонился, чтобы подставить свои ужасные рога под второй удар. Черный противник отступил. Он стоял, взрывал почву и визжал от злобы.

На странный поединок смотрели два зрителя. На вершине ближайшего дерева сидела странная птица, ростом с нашего фазана и покрытая голубыми и розовыми перьями. Ее длинный суставчатый хвост походил на хвост ящерицы; по два плоских красных пера сидело, одно против другого, под прямыми углами на каждом его суставе. На концах плечевых сочленений ее крыльев виднелись хватающие, рукообразные когти, как у летучих пресмыкающихся. Ее прямой, сильный клюв был вооружен острыми зубами. Птица открывала и закрывала его с большим волнением и пронзи-

тельно кричала, точно призывая всех прийти посмотреть на бой.

Другой зритель совсем не волновался. Это был скорее крупный, обезьянообразный человек, чем человекообразная обезьяна.

Загадочное существо сидело на ветке, как раз над сражающимися, и одной из могучих, волосатых рук держалось за сук над головой. Все его тело покрывали густые коричневые волосы, похожие на шерсть; только на голове они казались настоящими волосами, длинными и волнистыми. Плечи странного существа были массивны, а руки так длинны, что, когда оно стояло, они доходили до его колен. Человек имел короткие, толстые, сильно согнутые ноги. Кисти его рук покрывали волосы вплоть до второго сустава пальцев, но они походили на человеческие, а не на обезьяньи, потому что толстый первый палец был противопоставлен остальным своим собратьям, а не сидел параллельно с ними. Плоская голова человека с низким узким лбом, с очень острым лицевым углом походила на обезьянью; переносица его плоского, широкого носа с большими ноздрями почти не выдавалась; массивные челюсти выступали вперед. Глаза же под тяжелым лбом смотрели с выражением, совсем не похожим на холодный механический взгляд динозавра или на мерцающий взгляд его черного противника.

Человек наблюдал за сражающимися задумчиво и немного презрительно. Свободной рукой он держал ветку акации, усаженную громадными шипами и потрагивал острые кончики колючек, точно раздумывая, какое употребление он мог бы сделать из них. Он не сочувствовал ни одному из бойцов: оба были его врагами.

Динозавр остановился, поворачиваясь головой к своему быстрому противнику, который кружил около него, надеясь выбрать минуту, чтобы сбоку наброситься на врага. Это надоело хладнокровному наблюдателю на дереве. Сломав громадную ветку, чело век изо всей силы кинул ее прямо в морду динозавра. Король ящериц принял это за новое оскорбление со стороны черного врага и с воем кинулся на

него, надеясь пригвоздить противника к земле и затоптать его до смерти.

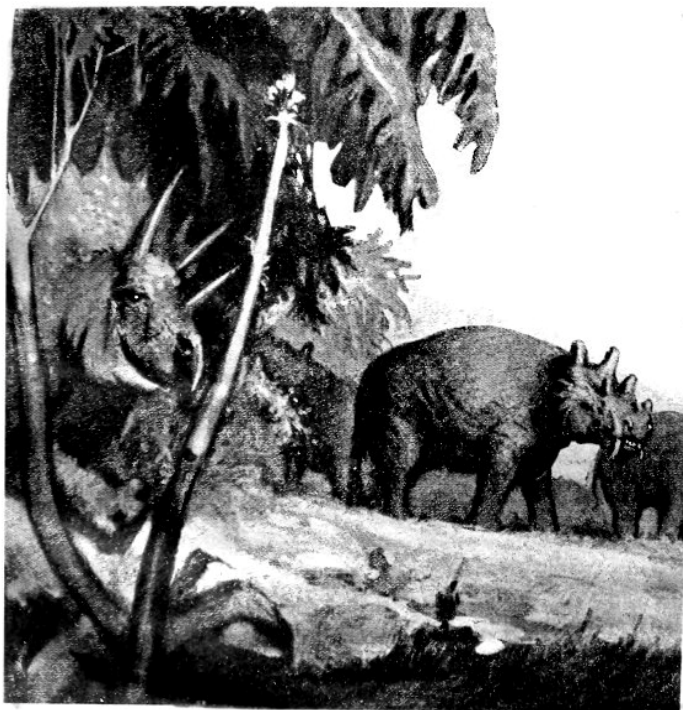
Это дало черному динотерию удобный случай. Точно кабан, он бросился вперед и ударил динозавра в бок между плечом и задними ногами. Тот остановился, покачнулся, — однако, не упал. Черный враг заметил, что его рога не могли пробить защищенной броней кожи. Он отступил и ударил своими страшными, острыми, как кинжалы, клыками в ребра чудовища. Но бивни не могли разрезать тела ящера, как обычно; они засели в его мясе, и пока динотерий старался освободиться для нового нападения, чудовищный колосс оправился. Его черный враг забыл о массивном и страшном хвосте исполина. Внезапно он взвился и ударил динотерия по ногам с силой паровой бабы, обрушив на них тяжесть в полтонны, ноги подогнулись, и раньше чем динотерий успел подняться, динозавр вонзил все свои три рога в его горло и грудь. Хлынула кровь; динотерий издох. Исполин освободился и пошел через свою мертвую жертву, похожий на катящуюся гору. Он не стал есть кровавого мяса, а только понюхал его; для травоядного создания этот запах был нестерпим. Подойдя к деревьям, король ящериц опустил голову и принялся чистить клюв о жесткую траву, как птица.

Это движение открыло складки незащищенной кожи на задней стороне его шеи, что и заметил молчаливый наблюдатель-человек. Ему захотелось попробовать, не может ли он ранить такого исполинского и так хорошо защищенного врага. Свесившись на ногах и на одной руке, он с силой бросил колючий сук акации во впадину кожи.

Исполин пришел в бешенство: со страшным ревом, спугнувшим синюю птицу, он стал отчаянно трясти головой, потом принялся кататься на спине, надеясь освободиться от колючек, проникших под его щит; но, это только еще глубже вгоняло в тело щипы. Движения динозавра были так страшны, что человек из предосторожности поднялся повыше.

Вдруг чудовище, опустив голову как можно ниже, кинулось к стоячему болоту и через несколько мгновений с гром-

ким всплеском исчезло под поверхность, потом снова всплыло и быстро двинулось к заросли на противоположном берегу, вероятно, надеясь там найти какой-нибудь старый пен, который помог бы ему избавиться от мучения. На краю заросли его встретил такой же ящер, только поменьше, и они вместе исчезли в спутанной чаще высоких болотных растений.

овек вышел из своего убежища с обломком громадного сука в руке. Вдруг до его слуха донесся громкий зов. Он повернулся и увидел свою подругу с ее маленьким на руках; она стояла под деревом и знаками звала его к себе. Заметив, что он ее понял и подходит, она быстро поднялась в ветви. Он вскарабкался вслед за ней на самую вер-

хушку дерева, поднимавшегося выше всех окружающих; с него открывался вид на низины и луга, лежавшие позади заводи. Она показывала на пастбища; их усеивали большие, черные рогатые животные, такие же, как то, которое было убито при нем. Это были бродячие стада динотериев.

С неудовольствием увидел их человек.

Он сам недавно пришел на берега большой лагуны, и место понравилось ему: тут было много плодов и, к тому же, он не нашел здесь ни следа своих самых страшных врагов: исполинских и неумолимых черных пещерных львов и рыжих медведей. Решив, что это хорошее место, человек выстроил убежище для себя и для своей семьи на высоком дереве. Из перевитых ветвей он устроил грубую, но прочную, площадку и усыпал ее довольно мягкими, тонкими ветками и побегами. Такая же, но более легкая, площадка над головой служила крышей и не пропускала воды; густая листва заменяла боковые стены.

Несколько дней два динозавра не показывались, а стада динотериев оставались на лугах, где животные паслись и пили воду из медленного источника, пересекавшего луга. Она была лучше солоноватой воды лагуны.

Но раз коричневая мать, держа ребенка на руке, собирала плоды на берегу, в то время, как человек вдаль осматривал границы своих новых владений. Подняв голову, женщина увидела над собой ужас — динозавра; его холодные, безвыразительные глаза неподвижно смотрели на нее из роговых рамок. Она повернулась, чтобы бежать, и натолкнулась на товарку чудовища, которая была поменьше, но такая же страшная. Позади женщины стояла непроницаемая стена колючих акаций. Оставалось одно убежище — ближайшее дерево, правда, слишком маленькое, но достаточно высокое, чтобы она могла очутиться вне доступа ужасных рогатых, неподвижных морд. С ловкостью обезьяны женщина взобралась на деревцо и скорчилась в букете его листьев. Тонкий ствол качался под ее тяжестью. Прижимая коричневого ребенка к сердцу, она пронзительно кричала. Человек услышал этот зов и крикнул в ответ, а потом побежал молча, чтобы не тратить дыхания. Но до

приюта матери и ребенка было далеко, а подруга динозавра, особенно злобная, терлась о дерево; оно качалось, но не сразу подалось. Тогда оба исполина стали подрывать его корни рогами; они часто делали это, чтобы добыть плоды, слишком высокие для них. Дерево наклонилось, его верхушка коснулась земли.

Коричневая мать перепрыгнула через страшные рога; она думала, что освободилась, но исполинский хвост ударил ее; она упала без чувств. Второй удар и — большая нога самки динозавра раздавила женщину и плакавшего ребенка.

Человек увидел конец трагедии и сразу понял, что все окончено. Он хрипло простонал... и замолк, но слепо бросил свою палицу в ближайшее чудовище. Один из ее острых сучков попал в глаз подруги динозавра и разбил его. Она закричала от боли, и оба чудовища двинулись на человека.

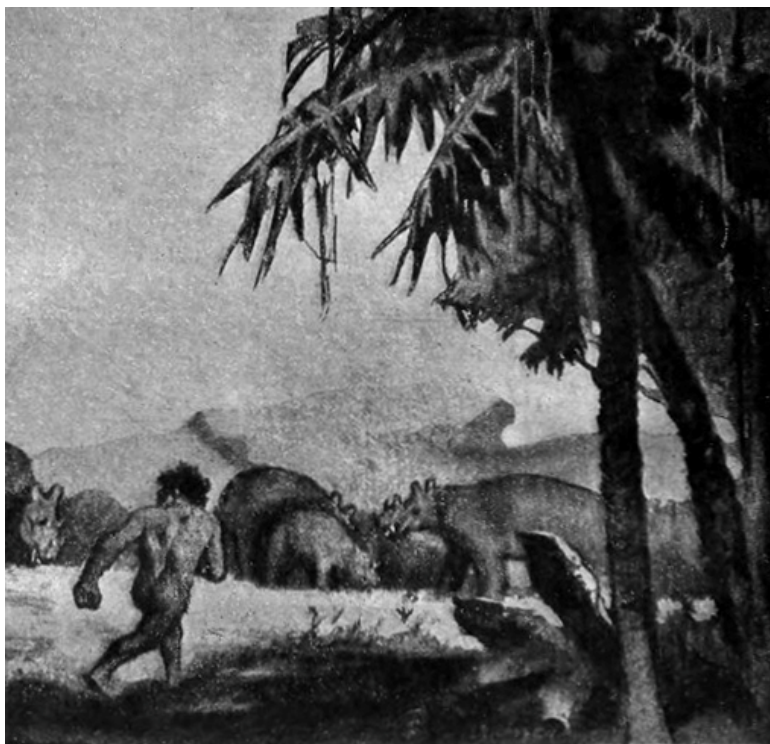
Он медленно побежал; его отчаяние превратилось в холодную ненависть и решение отомстить. Он вел их за собой, ощущая горячее зловонное дыхание. Он давал почувствовать динозаврам, что они сейчас нагонят его и таким образом манил их до окраины луга. В этом месте, утомленный необычным усилием, король ящеров внезапно мрачно остановился. Сделав прыжок вперед, человек схватил две пригоршни песка и гравия и изо всех сил бросил их в холодные глаза динозавра. Средство подействовало; полуослепленный исполин забыл об усталости и помчался вслед за своей подругой.

Эти исполины были тупы; они воображали, что поймают человека, а между тем он ловко лавировал между группами кустов и тростников.

Динозавры проломились через последнюю кайму кустов и листвы и выбежали на покрытый короткой травой луг, а человек все еще был перед ними совсем близко; они снова бешено погнались за ним.

Стадо динотериев внезапно перестало щипать траву. Посмотрев на двух исполинов, мчавшихся к ним, динотерии пришли в движение. Двуногого они почти не заметили: он показался им таким незначительным.

Человек сразу увидел, что стадо двигалось в известном порядке, готовясь к встрече с опасностью. Крупные защитники-самцы вышли вперед. Матери, собрав всех детенышей в одно стадо позади себя, образовали второй ряд, что-то вроде резерва; они были не так массивны и не так сильны, как самцы, но их одушевляла непобедимая материнская ярость.

Человек бесстрашно пробежал через первую линию, потом повернул вправо и, обогнув передний ряд динозавров, остановился.

Два сердитые динозавра потеряли из виду свою жертву и остановились в глупом изумлении. Только тут они заметили наступление черных животных, и это снова возбуди-

ло их неразумную злобу. Перекачиваясь, они побежали им навстречу. Человек увидел это и засмеялся.

В следующую секунду рогатые черные животные наступили на противников. Динозавры наносили страшные удары вправо и влево, разрывали тела врагов, топтали их ногами. Со своей стороны, динотерии с хрюканьем и безумным визгом резали бока исполинов острыми бивнями. Динозавры, стесненные с обеих сторон, размахивали своими страшными хвостами и сбивали целые ряды израненных жертв, пролагая таким образом путь к линии защитниц.

Черные матери сплотились, кинулись на страшные рога, свалили динозавров, давя чудовищ, поглощая их в груди своих тел. А самцы динотерии тем временем резали и били бока врагов. Оба динозавра исчезли для человека. Несколько минут страшная гора исполинских животных билась конвульсивно, потом стадо черных матерей раздалось, и яркое солнце осветило то, что осталось от двух колоссальных властителей прежнего мира. Раненые динотерии разошлись, чтобы оправиться или умереть по воле природы. Матери вернулись к детенышам. Уцелевшие динотерии нюхали лежащие горы мяса. Удостоверившись, что победа полная, они принялись пожирать добычу. Обыкновенно питавшиеся травами и корнями, они, как свиньи, крысы и люди, не держались определенного образа питания и, по-видимому, считали, что мясо динозавра может отлично идти рука об руку с травой.

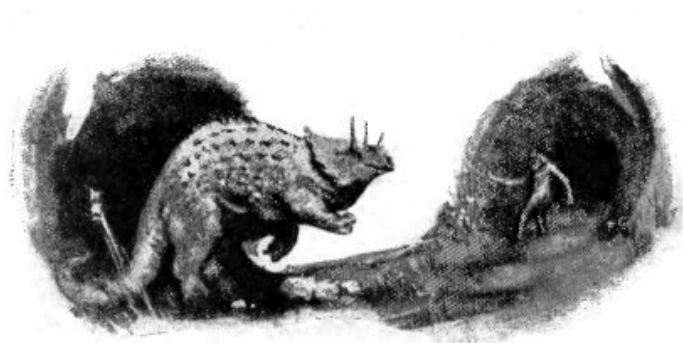
Человек стоял шагах в пятидесяти и смотрел. Он не боялся. Он знал, что ему без труда удастся спастись от этих животных. Как ни был он незначителен и мелок перед ними, он все же презирал этих исполинов и чувствовал себя их господином. Он перехитрил двух властелинов ранней эпохи, завел их в ловушку и отомстил им, а динотерии послужили ему только оружием.

Человек повернулся к ним спиной, уверенный, что тонкий слух даст ему знать, если одно из этих созданий захочет преследовать его, и пошел к лесу. Но он постарался оставить свое дерево в стороне. Ему не хотелось подходить к пустому дому. Он решил вернуться в области за лагуной

туда, где жили рассеянные члены его рода. Там он найдет другую подругу.

На опушке леса он снова обернулся и посмотрел на черное стадо, послужившее ему орудием мести.

В эту минуту в нем родилось желание иметь сыновей. Смутное сознание неисчислимых будущих задач шевельнулось в его уме. Но он не испугался. Он решил, что будет так воспитывать своих детей, чтобы они, наконец, отыскали средство побеждать даже силу пещерного льва и хитрость огромного бурого медведя...

Харлей Альдингер
СРЕДИ ДИНОЗАВРОВ

Могучее дерево в великих первобытных джунглях Мезозойской эры колыхнулось в сторону с такой же легкостью, с какой я или вы могли бы отстранить от себя ивовую ветку, и из чащи высунулась страшная голова Кайно, тираннозавра, царя джунглей.

Его маленькие, краснокаемчатые, холодные, змеиные глаза светились ненавистью и угрозой, потому что Кайно в этот день вторично отправлялся за кровавой поживой, и горе встречаемым зверям, какой бы ни отличались они величиной и силой! Кровожадная жестокость и жадность Кайно не знали пределов.

Вышедший из-за дерева старый, покрытый рубцами, вояка имел страшный и грозный вид. Он высился на целых сорок футов от земли, огромные, крепко посаженные в массивной голове четырехфутовые челюсти были вооружены шести или семидюймовыми клыками, а могучие задние ноги позволяли ему в случае надобности делать большие прыжки и скачки со скоростью экстренного поезда. Он был снабжен массивным хвостом в сорок футов длиной, гигантски широким у основания и постепенно заострившимся к концу; в хвосте была дикая разрушительная сила. Недаром тираннозавр считается самым страшным хищником, какой когда-либо существовал. Сравнительно небольшие передние лапы Кайно были вооружены острыми когтями.

Он шествовал среди исполинских деревьев, наклонившись корпусом вперед примерно под углом в сорок пять градусов, и небольшие глаза его злобно выискивали противника, на которого он мог бы обрушить силу своих мускулов и разрушительных приспособлений, которыми снабдила его природа. Огромная его пасть была полуоткрыта, и по временам он изрыгал громоподобное рычание, вызывавшее противника на бой.

Все остальные животные знали по этим признакам, что могучий царь отправился промысливать и что он жаждет крови, поэтому все живое спешило убраться с его пути.

Сделавшись похитрее, хотя и не умерив своей дикой и беспощадной кровожадности, Кайно прекратил рычание и пошел по джунглям, крадучись, мягко ступая как кошка.

Вскоре он увидел в каких-нибудь ста футах громадного птеродактиля — большую крылатую рептилию с кожистыми, без перьев, крыльями, с четырьмя ногами, на концах которых было по четыре пальца; один из пальцев был прикреплен к крыльям. Отсюда и название их — «пальцекрылые». У него была короткая голова и клюв, утыканный внутри острыми как иголки зубами. Кайно видел, как птеродактиль нырнул книзу и, подхватив с земли небольшое млекопитающее величиной с барана, впился своим могучим клювом в основание затылка барахтавшегося животного. Млекопитающее издало пронзительный крик и замерло в крылатых пальцах птеродактиля.

Обремененное значительной ношей, пресмыкающееся летело грузно, почти наравне с вершиной деревьев. Оно не успело пролететь и ста футов, как вдруг над деревьями мелькнула могучая голова, разверзлась могучая пасть, и большая птица-ящерица вместе с своей добычей была измолота челюстями хищника.

Позавтракав, Кайно отправился на поиски дальнейших приключений. Ему не пришлось долго высматривать.

На небольшую поляну вышло животное, похожее на движущуюся крепость. Оно шло на всех четырех ногах, но так как его задние конечности были вчетверо длиннее передних, то морда его почти касалась земли. В бедрах его высоту можно было определить в шестнадцать футов, и все оно, за исключением брюха, было покрыто твердыми костистыми пластинками, составлявшими надежный панцирь. От затылка, вдоль всей спины и до середины хвоста шел двойной гребень из таких же костистых пластин высотой от двух-трех дюймов до трех футов, с краями острыми как бритва и заостренных кверху. Голова была очень небольшая, треугольная, с маленькими глазами и с ртом, разрез которого кончался сзади глаз. Его чудовищный хвост был единственным его средством нападения или защиты. Колоссальный у основания, — целых десять футов в диамет-

ре, — он понемногу суживался по всей двадцатипятифутовой длине и оканчивался почти тупым обрубком. А там, где на средней части хвоста оканчивались костистые острые пластины, на смену им шли четыре пары крайне острых, конических стержней двухфутовой длины. Ударяя врага своим колючим хвостом, стегозавр как бы отбивался доской, усеянной большими гвоздями.

Вот какого чудовищного противника облюбывал себе тираннозавр. В другое время, если бы можно было выбрать более доступную добычу, он прошел бы мимо, потому что остальные динозавры так же смотрели на «панцирного ящера», как современные хищники — на дикобраза. Но Кайно был не в таком настроении, чтобы не воспользоваться случаем вступить в любую схватку.

И вот он с неистовым ревом кинулся на броненосного динозавра, замахнувшись передней лапой в голову противника. Но тот, предусмотрев этот выпад втянул в себя голову, как черепаха, так что удар только скользнул по непроницаемой спинной чешуе.

Так лавировали они некоторое время; тираннозавр старался все время держаться возле головы противника, чтобы тот не мог захлестнуть его своим разрушительным хвостом, а стегозавр все ловчился быстро повернуться кругом и переломать кости врагу ударом своего колючего придатка.

Но старый царь не случайно пережил уже столько боев. Он прибегнул к хитрости. Он нанес замедленный, как бы нерешительный удар в сторону головы противника в расчете, что неповоротливый гигант огрызнется. Тот так и сделал, и лишь только показалась вся голова, коварный монарх хлестнул по ней когтями, содрав всю правую сторону морды и глаз «броненосного динозавра».

С ошеломляющим воплем стегозавр встал на дыбы. Как раз то, чего Кайно так давно добивался! Скакнув вперед, он схватил обеими передними лапами шею противника. Затем, подпирая себя хвостом, он быстро распотрошил брюхо жертвы своими огромными задними ногами. Могучий хвост стегозавра продолжал судорожно извиваться в течение нескольких секунд и замер. Хищник пообедал сытно...

Удовлетворив свой голод, но не жажду крови, Кайно отправился дальше и вышел на небольшую поляну. Невдалеке, возле большого камня, стоял громадный бык трицератопс и с бешеным сопеньем разрывал копытом землю.

Трицератопс имел одиннадцать футов росту, считая у бедер, где как и у стегозавра, у него была наивысшая точка. Но передние ноги у него не были в такой степени короче задних. Подобно стегозавру он был покрыт твердыми костистыми пластинами и шипками, которые служили ему защитой. Кроме того у него был костистый ошейник, в виде складок, что придавало ему сходство с римским гладиатором. Его хвост, огромный у основания, постепенно суживался к концу — характерный признак динозавров. Три рога и клюв как у попугая — и портрет его готов. Один рог на носу в полтора фута длиной, а два другие, над каждым глазом, — в четыре или пять футов. И все три были остры как иглы. Такое чудовище было достойным противником гиганта Кайно.

Бросившись на поляну с ревом, тираннозавр прыгнул на спину «трехрогого» и попытался вонзить свои клыки сквозь непроницаемую броню. Но его усилия были тщетны. Трицератопс нетерпеливо тряхнул всем своим мощным корпусом и швырнул не могшего за него уцепиться тираннозавра о камень. И быстро повернувшись, тотчас вонзил свой короткий рог в тираннозавра.

Старый монарх в отчаянии схватил передними лапами два длинных рога своего противника и пригнув его голову книзу, сделал его беспомощным.

Трицератопс, бешено мыча, продолжал колоть и рвать мясо тираннозавра в клочки своим носовым рогом и крючковатым клювом, но не был в состоянии нанести смертельную рану. А тираннозавр, несмотря на страшную боль, продолжал пригибать книзу огромную голову врага. Вот она коснулась земли. Тогда с ревом торжества он вонзил свои клыки в незащищенную больше шею и вгрызлся в нее, пока ему не удалось перекусить позвоночник. Рогатый гигант упал мертвым к его ногам.

Но старый царь не вышел безнаказанным — кровь сочилась у него из двадцати ран. Поэтому, убедившись в смерти своего противника, он поспешил к знакомому пруду зализывать и мыть свои раны. Плоть была обуздана, но не дух, и предыдущие две битвы только еще сильнее разожгли огонь в его крови.

Потратив около часу на купанье и лизанье ран, Кайно еще раз отправился искать приключений и вышел наконец на песчаный морской берег.

Гигантский бронтозавр, растянувшись во всю длину на отмели, грелся на солнце. Представьте себе чудовище около семидесяти пяти футов в длину и шестнадцати футов в высоту (опять-таки считая по берцовой кости). Весил он около сорока тонн. У него не было никакой наступательной или оборонительной системы, кроме длиннейшего хвоста, имевшего восемь футов толщины у основания и тянувшегося на шестьдесят или семьдесят футов. У него была ненормально длинная шея, заканчивавшаяся крошеч-

ной головой, которая казалась продолжением шеи. Вот на какое существо накинута теперь Кайно.

Чудовище с пронзительным воплем подпрыгнуло кверху в воздух. Оно тщетно кусало толстую шкуру тираннозавра своими маленькими, хрупкими зубами и хлестало его своим тяжелым хвостом. Последний, впрочем, дал себя почувствовать. Кончик хвоста, как бич, исполосовал спину тираннозавра до крови, но колоссальный ящер не мог хлестнуть своего противника самой тяжелой частью хвоста, иначе песенка Кайно была бы спета.

В отчаянии чудовище кинулось в воду, где оно было гораздо подвижнее, чем на суше. Неистовым усилием бронтозавр добрался до глубокой воды и принялся подминать противника под себя. Но в этом он не успел. Как раз в эту минуту клыки Кайно добрались до своей цели и бронтозавр перевернулся брюхом кверху, мертвый.

Страшно изуродованный, но все еще победоносный царь, удостоверившись в смерти врага, медленно поплыл к берегу. Но до берега он не доплыл.

В это мгновение ихтиозавр, тридцатифутовый, с пилообразными челюстями морской динозавр, вынырнул из глубины и всадил половину своей пилы в тело Кайно. Гигантский ящер в бешенстве повернулся и откусил голову ихтиозавра; но тут всплыл целый выводок кровожадных рыб-ящеров, и тираннозавр исчез в кипящем, кровавом аду.

Таким образом царственный Кайно закончил свое житейское поприще и, как всякий динозавр, нашел судьбу, постигающую рано или поздно каждую кровожадную тварь.

Сергей Соломин

ПРЕДКИ

Фантастический рассказ

Рисунки А. Шпира

Профессор Чижов только что захлороформировал крупную водяную лягушку и распял ее животом вверх на деревянной дощечке для вскрытия.

Лапки были приколоты большими булавками, белое брюшко подымалось и опускалось от дыхания, прекрасные, огромные глаза смотрели печально, подернутые дымкой наркоза.

— А ведь она совсем похожа на человека, — с оттенком жалости сказал один из учеников-лаборантов.

Чижов расхохотался.

— В старину существовал какой-то чудака, уверявший, что в эпоху завров, птеродактилей и зубатых птиц люди плавали в воде в виде лягушек. Я сейчас вам покажу, насколько внутренние органы лягушки отличаются от человеческих.

Профессор взял скальпель и, попробовав его острие на ногте, готовился совершить кровавое дело — заживо вскрыть беспомощное животное.

— Можно войти? — раздался голос за дверью лаборатории.

— Входите! — крикнул Чижов, узнавая говорившего.

Регель был высокого роста, худой, сутуловатый, со взглядом исподлобья.

Когда он входил, хотелось спросить: «Убил ты кого-нибудь или только собираешься убить?»

Но после первого мрачного впечатления всякий убеждался, что этот насупившийся господин в сущности бесконечно добрый, отзывчивый человек, который не обидит и мухи.

— Ну, как ваши работы по палеонтологии? — спросил Чижев, дружески пожимая руку Регелю.

— Как всегда! Брожу в потемках и только изредка вижу просветы. Сделано так много, а в результате мы не можем ответить на самые простые вопросы.

— Например?

— Да вот хотя бы вопрос о происхождении человека. Дарвин наградил нас обезьяноподобным предком. Эта гипотеза подтвердилась находкой неандертальского черепа. Следовательно, во главе человеческого родословного древа — обезьяна. Одна из пород стала прогрессировать умственно и постепенно сложился человеческий тип — *homo sapiens*.

Но вот нашли гейдельбергский череп, и теория рухнула. Есть полное основание думать, что предок наш был человеком, существом интеллигентным, а обезьяна — продукт одичания и вырождения. Это соответствует и взглядам дикарей, которые убеждены, что обезьяны — одичавшие люди. Мне приходилось слышать от одного псаломщика негодующую речь: «Человек не может происходить от обезьяны, ибо обезьяна есть карикатура и больше ничего». И представьте, он, оказывается, прав.

— Хорошо, но ведь это только прогресс науки. Вы сами себе противоречите, так как даете на вопрос прямой ответ.

— Допустим. А откуда взялся человек — общий предок прогрессирующей человеческой породы и регрессирующей обезьянней? Вопрос стал еще запутаннее.

Чижев только покачал головой:

— Вы, кажется, научный фантазер, мой милый, а я старый позитивист и с вашего разрешения приступлю к вскрытию лягушки.

Регель только сейча обратил внимание на распростертое тело земноводного и протянул руку, словно защищая его от профессорского ножа.

— Нет, оставьте! Пожалейте! Посмотрите, какие у нее печальные глаза. Она смотрит чисто по-человечески.

— То же самое говорит мой ученик. Он утверждает даже, что лягушка очень похожа на человека.

Регель вздрогнул и пробормотал странным голосом:

— И он прав!

— Я не хочу присутствовать при вскрытии, — сказал он громко, — я пойду и подожду вас в кабинете. Не мучьте ее слишком, бедную.

Провожая его глазами, Чижев не удержался бросить ученикам:

— Вот чудак-то! Расчувствовался над лягушкой!

Через полчаса оба ученых сидели в кабинете за бутылкой золотистого хереса с бисквитами.

— А знаете, я не ожидал от вас такой сентиментальности. Положим, вы возитесь с костями давно умерших животных, но ведь должны же вы были изучать и живые, современные экземпляры.

— Я и изучал.

— И делать вскрытия, производить вивисекции?

— Я и производил, и произвожу.

— Но как же понять вашу защиту лягушки?

Регель долго не отвечал.

— Не знаю сам, — начал он наконец, глухим голосом, — почему вы мне внушаете особое доверие и я готов вам рассказать то, что хранил до сих пор в тайне от всех. Впрочем, лучше я пришлю вам мою рукопись, дневник. Можете его оставить у себя навсегда. Но читая, не утешайтесь мыслью, что я или мистификатор, или сумасшедший. Все до последнего слова только правда, ни тени выдумки.

Через два дня Чижев получил рукопись и так увлекся ею, что читал два дня, ничем более не занимаясь.

Встретив Ределя, он сказал:

— Коллега, я прочел все. Самое лучшее, если мы никогда не будем говорить об этом. Но вы достигли своей цели: я не буду больше резать лягушек.

Редель крепко пожал ему руку.

С тех пор прошло много лет. Умерли оба ученых, и рукопись Ределя купил я на аукционе вещей в квартире Чижева.

Дневник очень объемист, и я сделал из него экстракт, который я отдаю на суд читателей.

I.

В 25 лет я был одержим страстью к путешествиям, у меня были хорошие средства, но, что еще важнее, непочатые молодые силы и цветущее здоровье.

Мне удалось найти двух товарищей с такими же вкусами и стремлениями, как и мои.

Мы объездили множество стран, совершая длинные путешествия пешком и подвергаясь иногда страшным опасностям от стихий, хищных зверей и дикарей.

Однажды, бродя в области Скалистых гор, мы заночевали в одной долине, окруженной с трех сторон гигантскими каменистыми стенами.

В долине бежал ручеек и росли какие-то кустарники. Таким образом, мы имели все для лагерной стоянки. Развели костер и зажарили убитую днем дичь. Наевшись, мы легли спать, причем по обыкновению один из нас сторожил, сменяясь с товарищем через каждые три часа.

Моя вахта наступила под утро. Было прохладно, над долиной стоял туман, и я возобновил костер, чтобы согреться.

Легкая дремота то и дело овладевала мною, и я с огромными усилиями боролся с нею. Обыкновенно принято думать, что самое тяжелое дежурство — ночное. Это неправда. Именно утром у здорового человека сон хотя и не так крепок, как с вечера, но, если можно так выразиться, особенно навязчив. Словно липнет что-то к тебе, словно чья-то рука то и дело закрывает глаза и не успеешь оглянуться, как уже находишься во власти легких утренних видений.

В одну из таких минут до моего слуха донеслись странные, стонущие звуки, я быстро очнулся и стал прислушиваться. Кругом царил тишина, и стоны надо было отнести, по-видимому, к сонному обморачиванию.

Чтобы не поддаваться больше дреме, я закурил трубку. Туман начал розоветь, и его плотная пелена под горячими стрелами солнца задымилась, пошла волнами и за клубилась.

Местами уже обозначались просветы. Скоро надо было готовить завтрак.

Вдруг опять раздался стон. Он неся, по-видимому, от истока ручья, и я весь насторожился. Мое охотничье ухо различало хорошо крики и голоса различных животных.

Но теперь в этих странных звуках я не различал ни плаксивого голоса гиены, ни стонов некоторых пород птиц, обманывающих неопытных полным сходством с плачем ребенка.

Стон повторился. Теперь я уловил переливы человеческого голоса. Несомненно, кто-то страдает там, вверху ручья, нуждается в моей помощи.

С порывом молодости я, схватив ружье, бросился бежать вдоль ручья. Туман почти рассеялся, и солнце заглянуло во все закоулки долины.

Стоны усиливались, и я уже не сомневался, что они принадлежат человеку. Я почти добежал до стены, которой заканчивалась долина, но ничего не видел.

Остановившись, чтобы перевести дыхание, я стал внимательно смотреть кругом. Ничего. А стоны, как нарочно, прекратились. Наконец, около одного куста я увидел что-то белое и бросился туда.

Что это? Не продолжаю ли я спать у костра и воображение мое создает чудовищные химеры?

Где найду слова, чтобы описать необычайное существо, судя по ослабевшему голосу, доживавшее последние минуты!

Оно было ростом не более полутора аршина и общим видом напоминало человеческую фигуру. Но вглядываясь ближе, я не мог признать его одной породы со мной.

Оно лежало на спине, и солнце ярко освещало большой белоснежный живот, такого же цвета грудь с довольно неопределенными женскими формами и большое выпятившееся горло, находившееся в постоянном движе-

нии. Раскинутые руки и ноги очень походили на человеческие, хотя бедра были гораздо толще и длиннее. Пальцы были очень длинные и соединялись между собой плавательной перепонкой.

Но изумительнее всего была голова. Шея совершенно отсутствовала. Нижняя челюсть была поднята вверх, сильнее, чем если бы мы закинули назад голову. Огромный рот тянулся почти до ушей. Нос маленький, приплюснутый. Но глаза! Я никогда не забуду их страдальческого выражения. Величиною с яблоко, они были темно-синего цвета, и в них выражались, несомненно, и человеческие чувства, и признаки человеческого разума.

Я нагнулся и дотронулся до диковинного существа. Кожа скользкая, влажная, но не холодная, как у гадов, что указывало на внутреннюю животную теплоту.

Не зная, что предпринять, я решил вернуться к товарищам и втроем обсудить это необычайное происшествие.

В это время надо мною вдруг потемнело, послышался взмах могучих крыльев, и на землю опустился громадный горный орел. Он быстро закогтил странное существо, уже не подававшее признаков жизни, и поднялся с ним на воздух.

Растерявшись от неожиданности, я не успел выстрелить, и орел скрылся со своей добычей за зубчатым краем скалы. Надо было спешить в лагерь. Товарищи могли проснуться каждую минуту, и я мысленно уже слышал их брань и воркотню по поводу неприготовленного завтрака.

Но тут внимание мое обратило одно необъяснимое на первый взгляд обстоятельство. Ручей у истоков был так же широк и глубок, как и ниже, а до каменной стены оставалось всего сажень десять.

Я решил исследовать, откуда берется поток воды, и дошел до стены. Здесь сразу все объяснилось.

Внизу стены находилось большое отверстие аркой, из которого вода и устремлялась наружу с довольно значительной силой. Очевидно, подземный ручей пробил себе здесь дорогу на поверхность земли.

II.

Я ничего не сказал товарищам о виденном мною странном существе. Они бы, конечно, не поверили и только посмеялись надо мною. Да и самому мне через два дня все это показалось совершенно невероятным, и я готов был с натяжкой признать, что просто спал у костра и видел необычайный сон, навеянный дикой природой Скалистых гор.

Мы продолжали свое странствование, и на ночь обыкновенно останавливались в одной из многочисленных долин, удивительно похожих друг на друга.

Но через неделю мы набрали на долину гораздо большую, далеко уходящую в глубь гор и раскинувшуюся цветущей поляной с рощицами и небольшим озером.

Все сулило большую охоту, и мы остановились здесь на несколько дней. Даже устроили шалаш из ветвей на берегу озера под сенью трех громадных деревьев.

В два дня мы настреляли столько дичи, что могли бы питаться целых две недели. Имея в виду, что при дальнейшем путешествии нам придется пройти почти бесплодную местность, решено было заняться копчением и вялением.

Я проявил к этому делу очень мало способностей и продолжал бродить по долине.

Однажды я зашел очень далеко и не заметил, как стало темнеть. Возвращаться назад в темную безлунную ночь было трудно, к тому же я порядочно устал.

Я стал отыскивать для ночлега какое-нибудь углубление в скале, но долго ничего не находил.

Стены шли гладким уступом. К концу долины строение горы, однако, значительно изменилось, и я уже готов был остановиться на одной неглубокой пещерке, но там весь пол был засыпан острыми камнями, а расчищать себе ложе было слишком большой работой.

Я пошел дальше и натолкнулся сразу на широкий вход аркой. Войти можно было не сгибаясь. Это был узкий коридор, приведший меня в большую пещеру. Я засветил электрический фонарик, но его света было недостаточно, чтобы разогнать мрак, по-видимому, очень высоких сводов.

Мне пришло в голову, что я здесь внутри могу развести костер и заняться приготовлением убитой утки.

Собрать несколько охапок сухих веток и разжечь большой огонь было делом всего получаса.

Костер осветил гораздо больше пространства, но все же я не мог составить себе понятие об истинных размерах пещеры.

За ужином рассуждал вслух сам с собою и хвастался, что сделал замечательное открытие.

Наверно, эту пещеру назовут моим именем. Пещера Регеля! Завтра с товарищами мы произведем подробное ис-

следование и составим описание. Может быть, найдем что-нибудь замечательное.

Я радовался, как дитя, своей находке и заснул среди образов, созданных фантазией. Если бы я знал, что меня ожидает впереди, я бежал бы из этого проклятого места, откуда вернулся поистине чудесным образом!

О том, что наступило утро, я узнал по потоку света, вливавшегося через коридор в пещеру.

Правда, наверху все еще густился мрак, но был освещен пол и противоположная стена.

Пещера оказалась действительно громадной, но составляла, очевидно, лишь часть лабиринта, потому что виднелся вход во второй коридор.

Съев остатки утки и запив горячим чаем, я поспешил к товарищам.

Мы составили настоящий военный совет, на котором было решено запастись в изобилии провизией, наполнить все имеющиеся сосуды водой и произвести полное исследование пещеры.

Для факелов мы нарубили смолистых ветвей. Кроме того, у каждого был электрический фонарь.

На следующий день утром мы углубились в толщу гор и в трепетном ожидании чудес прошли второй коридор. Он привел нас в пещеру меньших размеров, но изумительной красоты, благодаря отложениям известковых солей, сверкавших при свете факелов, как драгоценные камни.

После четырех последовательных зал мы попали в пещеру необъятной величины и, сделав несколько шагов, убедились, что находимся на берегу подземного озера.

— Эх, если бы у нас была лодка! — вырвалось у одного из товарищей.

Пришлось озеро обойти кругом. По дороге мы сделали остановку и плотно поели. Неподвижная гладь озера, освещенная красным пламенем костра, таинственный мрак недр земли, странное эхо наших голосов действовали на меня удручающе, и, подчиняясь тяжелому предчувствию, я стал звать товарищей и предложил им дальнейшее исследование отложить на следующий день.

Мое предложение было встречено смехом и упреками в трусости, мы пошли дальше. Большая арка указала нам путь в неизвестное.

Коридор был очень высок, но вскоре он раздвоился, и мы остановились в недоумении на распутье.

Что предпринять? Какого направления держаться?

Мне пришла несчастная мысль разделиться. Бросили жребий, и мне досталось идти одному. Мы сердечно попрощались, разделили провизию и запасы воды и бодро двинулись: я — по правому коридору, они — по левому...

Больше мы не видели никогда друг друга в жизни!

III.

Через четыре часа мы должны были вернуться к распутью.

Я быстро справился со своей задачей.

Правый коридор привел меня в пещеру, из которой, по-видимому, не было другого выхода. Весь пол был усеян костями огромных допотопных животных. Я тогда был слаб по палеонтологии, но теперь могу с уверенностью сказать, что это были скелеты гигантских ящеров.

Осмотр занял все-таки много времени.

Прошло с лишком четыре часа.

Товарищи, верно, меня ждут.

Но никого не было... Я просидел часа полтора, нервно куря трубку, но они все не показывались. Дело становилось серьезным. Я пробовал кричать. Выстрелил из револьвера. Звуки с страшным грохотом, отражаясь тысячу раз, поносились вглубь...

Все смолкло.

Наконец ожидание стало невыносимым, и я решил пойти навстречу товарищам. Левый коридор сначала ничем не отличался от правого, и я шел, тревожно вглядываясь в темноту, едва освещаемую маленьким фонарем. Факелы все догорели.

Сколько времени я шел так?

Вероятно, не менее двух часов. Часы мои остановились, но я сужу по страшной усталости, которую испытывал.

Краткий отдых не дал мне облегчения.

Воздух был пропитан сыростью, и температура его была не меньше 25° по Цельсию. Это напоминало атмосферу оранжереи.

Я решил вернуться.

И опять шел долго-долго, до полного изнеможения сил.

Казалось, я должен был достигнуть распутия, но коридор тянулся все по-прежнему то по прямой линии, то изгибаясь вправо и влево. Воздух становился все жарче и душнее.

Наконец, я понял, что заблудился. Жестокое отчаяние овладело мною. Я плакал, бился головою о стену, кричал до хрипоты и зачем-то стрелял...

Несколько часов провел я в беспамятстве, а очнувшись, поддержал свои силы едою и выпил последнюю воду. Необходимо было искать выход. Жажда вскоре начала томить меня...

Были минуты, когда я готов был застрелиться. Я уже приставлял револьвер к виску, но жажда жизни каждый раз побеждала.

Наконец, я упал, и мне казалось, что сейчас наступит смерть...

Станный шум, напоминавший морской прибой, долетел до моего уха. Все же это было что-то новое, и я употребил последние силы, чтобы встать и идти.

Коридор круто заворачивал влево.

Шум усилился, но нечто другое заставило меня радостно вскрикнуть. Впереди через небольшое отверстие виднелся свет, и лица моего коснулась легкая струя воздушного тока.

Я побежал, спотыкаясь о груды камней, добрался до отверстия, заглянул и весь замер от изумления.

Это было окошко в другой мир, который еще никогда не отражался в глазах человека.

Я увидел обширное море, по которому ходили волны, разбиваясь о берег.

Вверху клубились густые облака. Освещение было желтовато-красное, так же, как бывает иногда у нас при закате солнца.

Справа чернел высокий лес.

Я решил во что бы то ни стало выбраться наружу. Один вид воды приводил меня в безумие. Раскидать камни, увеличить отверстие было бы нетрудно, но я страшно ослаб и только силой воли победил все затруднения.

Вылезши, я бросился к морю. Вода оказалась горько-соленой. Я разделся и выкупался, что сразу меня освежило, и поспешил к лесу, где надеялся найти какую-нибудь пищу.

Вид растительности привел меня в новое изумление. Я видел такие деревья только на картинах. Гигантские папоротники и хвощи, внизу лишай, мхи, грибы, все в преувеличенных, сказочных размерах. Я видел улитку, длиною около аршина, и жука ростом с сенбернарскую собаку. Громадные черви, которых я сначала принял за змей, ползали в гнили и сырости леса.

Мучимый голодом и жаждой, я попробовал есть молодые побеги хвощей. Большинство имело водянистый вкус, но я напал и на мучнистые, сладковатые, которыми мог утишить терзания желудка.

Я старался не удаляться от моря и держался в виду его. Сильный шум заставил меня оглянуться на водную гладь. Там вспенилась волна, и из нее показалась отвратительная, чудовищная голова.

Она поднялась на длинной шее, изогнулась в форме лебединой и вдруг поднялась высоко вверх. Казалось, поднялся целый столб, увенчанный головой крокодила.

Голова метнулась и схватила одну из больших птиц, стайей носившихся над морем. Послышался лязг челюстей, птица исчезла в пасти, а чудовище успело схватить уже другую. Остальные разлетелись с пронзительным криком, а голова вновь опустилась в морскую бездну.

Я продолжал путь.

Судьба столкнула меня с другим чудовищем.

Этого я знал по учебнику геологии. Оно принадлежало к сухопутным ящерам и шло, ломая на пути деревья гигантской тушей и волоча за собою длинный хвост. Маленькая сравнительно голова и тонкая шея совершенно не соответствовали грузному туловищу. Чудовище срывало побеги с деревьев побеги и пожирало их. Оно мирно паслось, как пасутся наши коровы.

Я все же поспешил уйти подальше.

Дорогу мне пересекла довольно широкая речка. Вода в ней оказалась превосходного качества, и я совершенно утолил жажду.

Переплыть речку я не решился и пошел вдоль ее берега.

Она вскоре расширилась, образуя большую заводь.

Удивительные звуки заставили меня остановиться и прислушаться.

Из кустов слышался целый хор голосов, не лишенный некоторой стройности.

— А-а-а-а... у-у-у-у...

И потом резко:

— Э-э-э-э-э!

Я пробрался через гигантские мхи и заглянул, старательно прячась сам.

Мне представился большой залив, по-видимому, неглубокий, так как местами со дна поднимались моховые кочки и сама вода заросла высокими травами.

Повсюду на берегу, на кочках, наполовину высунувшись из воды, сидели огромные лягушки. Некоторые достигали высоты двух аршин. Все они были увлечены концертом, и их белые горла находились в постоянном движении.

Я невольно вспомнил о странном существе, выброшенном ручьем в долине. Но то гораздо более походило на человека, эти же отличались от лягуше только большим ростом.

Вскоре я разобрался в звуках и понял, что это к этому грубому хору примешивается другой, более нежный, несущийся с правой стороны залива.

Осторожно пробираясь по берегу под защитой мхов, я наконец нашел и вторую группу артистов.

Эти сидели на берегу около целого городка хижинок, грубо слепленных из ветвей и грязи.

Я сразу узнал странные существа, одно из которых унес на моих глазах орел Скалистых гор.

Люди, похожие на лягушек, или лягушки, похожие на людей.

Сидели они так же, как и настоящие земноводные, с согнутыми под острым углом ногами, между которыми помещались передние конечности.

Но ходили на двух ногах. Ходили тяжело, грузно, часто падая и переходя в лягушечьи прыжки. Их пение напоминало человеческий голос и было мелодично и заунывно, хотя основной мотив остался тот же...

Я не нахожу этих существ безобразными. У них такие прекрасные синие глаза, такое детское, жалобное выражение глаз.

За два дня, проведенных мною около залива, я имел возможность наблюдать этот странный народ. Их нравы про-

извели на меня самое лучшее впечатление. Они никогда не дерутся, не обманывают друг друга и очень любят детей, маленьких, смешных человеко-лягушат.

Старики и старухи отличаются огромными отвисшими животами, не в состоянии ходить на двух ногах.

По-видимому, эти существа не лишены дара слова и обмениваются друг с другом особыми разнообразными звуками, состоящими почти из одних гласных.

Я заметил также, что лягушкоподобные относятся с долей презрения к настоящим лягушкам и не входят с ними в общение, держась отдельно.

Люди-лягушки нуждаются в частом купании и, говоря по совести, плавая в воде, мало отличаются от настоящих лягушек.

Я видел их общественное собрание.

Да, несомненно, они обсуждали совместно общие вопросы. Рассаживаются на берегу. Один, старейший, мурлы-

кает особым образом, другие слушают внимательно. Потом начинают отвечать, иногда в одиночку, иногда хором.

В одно из таких собраний случилось ужасное несчастье. Налетела стая огромных птиц, в раскрытых клювах которых виднелись ряды острых зубов.

Все бросились к землянкам, но птицы успели унести троих взрослых и нескольких детей.

Когда хищники улетели, народ вышел опять на берег и затянул жалобную песню:

— А-а-а-а-а...

Скорбный стон окончился душой раздирающей трелью, и мне показалось, что эти существа способны плакать. Они утирали лапками свои прекрасные синие глаза.

Я крайне жалею, что не мог подробнее наблюдать жизнь и обычаи людей-лягушек. На третий день я углубился в лес в поисках пищи, устал и решил выкупаться в каком-то ручье.

Но едва я опустил в прохладные воды, меня подхватило и понесло стремительное течение. Я боролся изо всех сил, но пенистый поток увлекал меня все дальше, ударил о камень, и я потерял сознание.

Очнулся я на берегу ручья, протекавшего по долине.

Совершенно без одежды, оружия и припасов, я едва не погиб, но, к счастью, меня спасла партия промышленных охотников за козами.

Я не смею делать каких-либо выводов из того, что видел, но иногда мне приходит в голову, что человек был счастливее, когда был лягушкой...

Передо мной на короткий миг открылся мир прошлого, и занавес вечности опустился вновь над тем, чего, быть может, не должен видеть человеческий глаз.

Василий Ян

ЗАГАДКА ОЗЕРА КАРА-НОР

Иллюстрации Б. Шварца

От редакции

Урянхаем раньше называлась плодородная долина в верховьях Енисея, замкнутая с севера Саянскими горами, с юга — хребтом Таннуола, за которым начинается Монголия. Теперь Урянхай является независимой Народной Республикой Танна-Тува. Население республики — около 100 000 человек, из них большая часть танна-тувинцы, иначе называемые «сойоты» или «урянхи», и около 18 000 русских переселенцев. Танна-тувинцы — тюркского происхождения, говорят на языке, близком киргизскому и татарскому. Они носят одежду, заимствованную у монголов, и китайские косы, причем до Революции были в религиозном подчинении у невежественных буддистских монахов-лам, совершенно не заботившихся о просвещении народа. Коренные реформы при новом строе должны вызвать быстрый расцвет юной республики.

Нижеследующий рассказ написан автором со слов партизан, вернувшихся из Монголии после боя с белыми на Улясуйской дороге в 1921 году. Желательно, чтобы лица, бывавшие в том районе, помогли разгадать описанное в рассказе странное явление и выяснить, имеет ли оно под собой какую-нибудь реальную почву.

I.

У партизанского костра

Под деревьями на берегу Енисея горело несколько костров. Вспышки красного пламени озаряли обветренные лица, желтые полушубки, шапки с наушниками. Блестки играли на темных дулах ружей. Партизаны пили бадан-ный чай, пересмеивались, чинили сбрую и одежду. В нескольких шагах от костров было уже темно. Там стремительно неслась бурная и мрачная река.

— Эй, гвозди! — хриплый голос покрыл шум разговоров. — Укладывайся на боковую. Парома, видно, не дожидаться. Завтра чуть свет начнем плавить коней.

— Ладно, Турков, дай уздечку справлю. Коли она не выдюжит — коня потеряю.

Из-под лохматой папахи торчал непослушный белоку-рый завиток. Молодое лицо Кадошникова склонилось над сыромятными ремнями. Ловко работало шило, всучивалась дратва.

Рядом с ним на черном изогнутом корне корявого тополя сидела синяя монгольская шуба. На широкой груди, рас-шитой черным плисом, распласталась рыжая борода. В го-лубых глазах прыгали искры костра. Заскорузлая пятерня доставала из розового ситцевого мешка сухарные крошки, сыпала в деревянную миску, поливая мутным чаем из про-коптелого жестяного чайника. Огонь костра и тихая ночь располагали к мечтательности.

— Ядреная страна наш Урянхай! — говорил, расчесывая пальцами бороду, Колесников. — Сколько землицы и како-го только зверя здесь нет. Какая птица! А рыбы всякой в Енисее сколько хошь.

— Только достань сперва ее, — буркнул мрачно парень, не отрываясь от уздечки.

— И достану! Все крестьянин могит достать, надо только, чтобы смекалка была в черепушке.

— А вот достань рыбу из нашего озера Джагатай*, если рыба-то сверху вниз ушла.

— Поглубже невод спустить, дно зачерпнуть...

— А если у нашего озера дна нет?

— Дна нет? А на чем вода держится?

— У нашего озера подземный ход под хребтом Таннуолой к другому озеру, что в Монголии. Говорят урянхи, что рыба кочует из того озера в это и назад. Буря подымется, воду всколыхнет, рыба к берегу всплывает, мы ее тогда неводами и подтягиваем. А дна у озера нет, сколько ни спускали мы бечеву с камнем, никак не достает, и кто-то вроде как перетирает бечеву. Вроде как зубом.

— Это ты, паря, брешешь. Кто же это бечеву будет в озере перетирать? Поди, цепляется за дно.

Кадошников поднял ремни в руках, потянул их, зацепив ногой в мягком бродне, и взглянул на рыжего:

— А ты не слыхал про черного гада, что сидит в монгольском озере?

Колесников закатил глаза к небу, показав белки, и помотал головой.

— Это, поди, тоже брехня.

— Спроси Хаджимукова. Своими зенками он видел. Вот он... Эй, Хаджимуков!

У соседнего костра стоял высокий партизан, весь зашитый в бараньи шкуры. За спиной болталась винтовка с подогнутой сошкой.

— А ежели он видел, почему не притащил на аркане? Крестьянин все должен использовать. Коли увидел черного гада, взял бы его живьем и послал в Москву. Пусть видят, какие звери в Урянхайском краю водятся.

— Такого подлого гада в Москве кормить не станут. Перетопить его на сало, красноармейцам сапоги мазать.

Хаджимуков подошел; глаза раскосы, скулы выдаются, борода жесткая, что из конской гривы — татарин.

* Озеро Джагатай находится на юге Урянхия (Здесь и далее постраничные прим. авт.).

— Что, брат, Кадка рябая? В дорогу ехать, так шорничаешь?

— Коня мне Турков такого монгольца дал, что узда сразу надвое. А завтра его надо через Енисей переплавить.

— Поди, утопишь... Чего меня кликал?

— Садись, Хаджимука. Колесников не верит, что ты гада видел, говорит: «брешет косоглазый».

— Я-то не видел? А это что? — и Хаджимуков сунул к носу Колесникова нагайку. К деревянной ручке был прикреплен четырехгранный ремень толщиной в палец.

Колесников взял нагайку, пощупал ремень пальцами, попробовал на зуб. Кадошников тоже впился глазами и ткнул ремень шилом.

— Это от какого же зверя будет? Неужто от гада?

— Сказал — от гада! Это только от сосунка евонного. А с самого гада шкуры не снять, если и всех наших шорников сгломонить.

— А и врешь ты! Все вы, абаканские татары, путаники! — рассердился Колесников.

— Садись, садись! Не серчай! Расскажи толком, — Кадошников схватил за полу владельца диковинной нагайки. — Садись, на, кури! — он сунул ему кисет с табаком.

Хаджимуков, чувствуя, что достаточно убедил партизан, сел к костру и набил табаком длинную самодельную трубку из кизилового сучка.

II.

За Монгольский хребет

— Помните, прошлым летом, когда отряд Бакича наступал из Монголии, прискакал, как вот и сейчас, гонец от Туркова и взгомонил всех партизан собираться на белобандитов. «Торопитесь, — говорит. — А то перевалит он хребет, бои пойдут на наших хлебах, поселки сожгут. Какая нам корысть! Надо их ухватить, пока они в Монголии, по доро-

ге к нам наступают». Мы, конечно, на коней, у кого коня не было, отобрали у старожилов — и марш маршем под хребет. Дальше дорога на Улясутай* торная, поди, каждый из нас туда пробирался. Командиром избрали Кочетова**. Он не повел по прямой дороге. «Это, — говорит, зря сунемся им в лоб. Расшибемся об их пулеметы». А повел он наших парней по-за сопками, сойотскими тропами. Главная сила пошла слева от дороги, а нас, человек с десятка, Кочетов послал справа, пошарить по сопкам, не злоумышляет ли Бакич ту же обходную уловку. Вот тут-то и начался наш переплет.

Наш десяток ехал не скопом, а разбился по тропам. Мне с Бабкиным Васькой пришлось переваливать через гору Сары-яш. Сперва мы ехали по ущельям, между отрогами, что чащей поросли. Потом стали подниматься голым тас-

* Улясутай — первый город на пути в Монголии, в 500 километрах от границы.

** Кочетов — начальник урянхайских партизан, из крестьян.

кылом*. Там дорога стала идти бомами** по-над обрывами. Внизу сажень*** на десять поблескивает ручей. А крутом него болото, мшаники, буреломом завалено — самое медвежье место. Переезжать через такие ручьи — самое последнее дело: лошади вязнут по брюхо. Мы и подались кверху, к вершинам, где пошли кедрачи. А троп много, потому зверья уйма, всюду видны следы. То вдавилась медвежья треугольная пятка, то кусты объедены — лось проходил, то промелькнет между деревьями желтый бок маралухи.

Повременить бы там, мы бы без охоты не вернулись. Но нас общество послало, мы торопим коней, вздымаемся в гору и наконец видим монгольское «обо»: камней много навалено кучей, хворост сверху, и цветные тряпочки повешены на ветках. Это монголы и сойоты, как дойдут до самой вершины хребта, камень на «обо» подкидывают — подарок ихнему богу, что гору стережет.

Мы обрадовались, что добрались до перевала. Сошли с коней, табачок раскуриваем, а Шарик мой лай поднял в кустах. Увязался Шарик со мной от самого дома. Как видит, что винтовку беру, ничем его не удержишь. Я с ним завсегда белковать ходил. Лает Шарик, заливается. Думаю: будь ты неладен! Кто там в кустах хоронится?

Только подумал, выходят из кустов три сойота. Два бедных, шубы на них рваные, винтовки самодельные, кремневые на вилках. А один похозяйственнее, шуба крыта синей талембой**** и обшита бархатом, на голове шапка с плисовыми отворотами. А винтовка в руках настоящая аглицкая. Мы ничего, честь честью поздоровкались:

— Мен-ду!

— Мен-ду!

Табакom их угостили. Сели они рядком, посмотрели мы ихнюю аглицкую винтовку, а они наши. Объяснили сперва, что охотятся на горных козлов — дзеренов, а потом при-

* Таскыл — скалистая, безлесная вершина горы.

** Бомы — карнизы.

*** Сажень (старая русская мера длины) — около 2,13 метра.

**** Талемба — китайская дешевая материя вроде ситца.

знались, что ихний начальник — «нойон» — послал этот перевал сторожить — пойдут ли на Урянхай белые или кто другой — и донести.

Мы им тут набрехали, что нас дюже много, что за нами сотни три партизан подтягиваются, и просим растолковать нам дальше дорогу. Тут они нам все и выложили.

— На Монгольской стороне, — говорят, — за хребтом Таннуолой идут щеки, глубокие да узкие, с трясиным дном, где конь наверняка утопнет. Потому надо идти по хребтинам. Из этих щек сбегают ручьи в большую речку Тэс, вьется она, как уж между скалами, и вливается в большое озеро — Упса-Нор. Вокруг озера собралось много монголов с баранами, быками и верблюдами. Пришли и урянхи. Там и аулы их, где они помаленьку хлеб подсевают: просо, ячмень, а также арбузы и мак для курува. Не доходя до Упсы-Нора, повыше к хребтам, тоже есть озеро, но помельче. Раньше около тех озер монголы и урянхи стояли, но только все враз оттуда разбежались...

— А почему, — спрашиваю я, — разбежались?

— А потому, — говорят, — что там в одном озере большой гад завелся, никто его убить не может: уж больно гад хитер, умнее человека. Все из воды видит, высматривает, а на берег не лезет. Если бараны или телята пойдут на водопой, гад схватит за ногу или за морду и утащит под воду. А озеро называется Кара-Нор — Черное озеро, и дна в нем нет, трубой уходит неведомо куда под хребет.

Тут мы с Бабкиным переглянулись и подмигиваем. Васька и говорит:

— Вот бы, паря, нам к этой Карьей норе попасть и гада взять на мушку.

Я тоже говорю, что медведей я без счету бивал, рысей, лосей, марала, а про гада водяного никто у нас и не слы-

хивал. То-то будет разговоров по всему Урянхаю и Абаканской степи*, что мы гада подшибли. Тогда сразу собьем славу нашим охотникам — Турову, и Нагибину, и самому Цедрику**.

Расспросили мы еще сойотов, как до Кара-Нора добратся, отдали они нам от доброго сердца окорок козла, на огне подкопченный, и тронулись мы с Бабкиным дальше. Тут нас взяло сомнение: зачем сойоты сидели на перевале, не подосланы ли белыми следить за тропами? Бабкин и говорит:

— Меня не то беспокоит, а не посылают ли они нас на роком на Карью нору, потому что там, может, этот самый отряд Бакича засел? Оттого-то монголы во все стороны и разбежались, потому Бакич самый гад и есть, а на озере никакого гада и нет.

Все же мы решили ехать на озеро Кара-Нор, — у сойот тоже, поди, совесть человеческая, к тому же ребята артельные, козлятины нам дали по-хорошему.

III.

Озеро, от которого все убегают

Дня через два мы озеро нашли. Как урянхи говорили: длинное, километров на восемь, вначале узкое, а посередине шириной километра на два. На высоких берегах — осина, березняк и кусты. Один край берега чистый, засыпан мелкой галькой, хорошо с него скотину поить. Мы еще издалека, как его завидели, коней за горой в лоштинке к деревьям привязали, меж кустами хоронимся, ползем, скрадываем, как зверя.

* Абаканская степь — западная часть Минусинского уезда, Енисейской губернии, примыкающая к Урянхаю. Населяют ее абаканские татары, из которых многие переселились в Урянхай.

** Известные урянхайские охотники.

Тихо на озере. Малость рябит от ветерка. Вода черная, блестящая, что смола. Шарика на ремне держу, и он чего-то смекает, уши насторожил, не рвется, а глядит вперед и носом поводит — дух, что ли, чует какой. Подобрались ближе. Никого, все тихо. Утки пролетели над озером, снизились, да будто ихшибануло, опять поднялись и дальше перелетели. Сели, головки подняли, вертят по сторонам. Видно, что-то их тревожит.

Бабкин меня подталкивает: гляди, значит, в оба, чего-то на озере есть! А чего — не видать. Мы на высоком берегу в кустах, а озеро под нами, как в миске. Крутом сопки, на них листвяк, рябина, елки. А в монгольскую сторону сопки снижаются и далеко, километров за двадцать, опять высокие хребты с таскылами. Те горы Кукэй прозываются, высоченные, и на них снег под солнцем блестит.

Тут мы видим, будто кто-то в малиннике на том берегу ширеперится. Ветки шатаются, а кто — не понять. Бурый бок виден — то ли медведь, то ли бык. Я бы его снял в два счета, да не к чему раньше времени тревогу подымать. Потом кусты затихли, видно зверь отошел подальше.

Подождали мы маленько, поползли вдоль берега. Видим — поляна, мелким щебнем и кругляком усыпана. За ней откос, на нем сосны и под деревьями избенка, низкая, вся в землю ушла, только крыша высунулась, из бревен связанная. Окошечко в четверть, чтобы зверь не влез, а винтовку оттуда высунуть.

Смотрим: не выйдет ли кто? И вот из избы вылезает на кукурках баба в синей монгольской рубахе. Дверь, видно, тоже махонькая, в шубе и не пролезть. Вскочила она, в одной руке туесок берестяной, а в другой топор. Спустилась по откосу, побежала к ручью, зачерпнула туеском и бегом

назад, кругом оглядывается. Вползла опять на кукорках в сруб и дверкой хлопнула.

Бабкин мне шепчет на ухо, сам позеленел и глазами косит:

— Верно, здесь медведи табунами ходят, коли баба так в избе прячется и по воду с топором ходит. Кабы зверь наших коней не задрал. Давай шить с этого места!

— А ты, что ли, медведей не видал? — говорю. — Сами, кажись, своей охотой сюда зашли. А коли баба здесь, значит и мужик имеется — без него одна баба жить побоится.

Повременили малость, поползли дальше. Стали петлять, задумали избенку обойти и к тому месту выйти, где в кустах зверь ширеперился. Большой круг мы дали и вышли опять к озеру. Тихое, гладкое, ничего на нем не приметно. Залегли в кустах, малину и белую смородину подъедаем. Глядим: человек спускается между валунов, и совсем голый. Спекло его на монгольском солнце, так что бурый стал, как аржаной каравай. А волосы на голове стоят копной, что у туранского* попа, и борода в лохмах до пояса. Совсем одичал человек. На плече тащит пеструю кабаргу** удувленную. Подошел близко к воде, поднял высоко кабаргу, покликнул: «менду, менду» и бросил в воду. Тут по озеру волна пошла, точно большая рыба стаяй пронеслась.

В это время около нас выскочили две здоровые собаки, шерсть в клочьях, и напустились на нас. Храпят, давятся, а подойти боятся.

* Туран — большой поселок в северной части Урянхия.

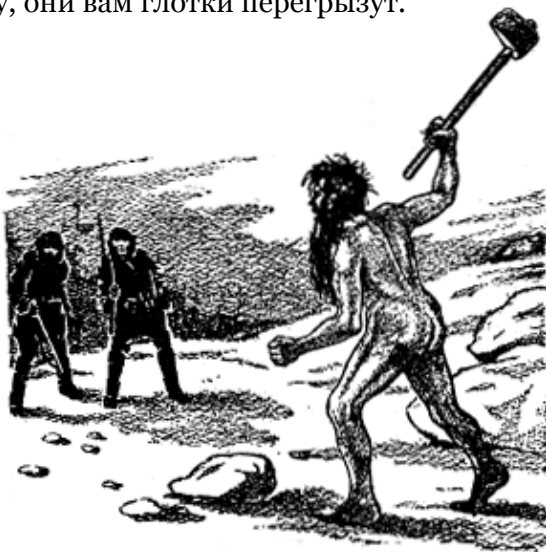
** Кабарга — маленькая пестрая газель; представляет ценность благодаря так называемой «струе» (особая железа), покупаемой китайцами для изготовления лекарств. Кабарга крайне пуглива, и ловится обычно петлями и силками.

IV.

Одичавший старатель

Голый человек насторожился и бросился бегом к нам... В руке у него, видим, топор-колун на длинной рукоятке. Я встаю и иду открыто к нему, чего мне бояться: у нас винтовки, а у него топор. А он как увидел меня, взбеленился и начал крыть почем зря:

— Чего вы сюда пришли, острожники?! Здесь места меченые, застолбованные. Монгольские управители мне документ выдали. Убирайтесь отсюда, а то я на вас моих гадов спущу, они вам глотки перегрызут.

Смотрю я на него, дивлюсь, а он прыгает на камне, топором машет, кричит, слова сказать не дает. Вся морда шерстью заросла, только серые гляделки словно проколоть хотят. И думаю я: где я рыжую башку раньше видел? Говорю ему:

— Карлушка Миллер, немецкая душа, не ты ли это? Как сюда попал?

Остановился он меня честить, разглядывает, а все поднятый топор держит.

— А ты кто такой? И откуда меня знаешь? А тебе я не Карлушка, а Карл Федорович Миллер.

— Неужто забыл, Карлушка Федоровна, как мы с тобой на речке Подпорожной* золотишко мыли и ничего не намыли, а последнее, что имели, проели?

— Теперь я вас припоминаю, камрад Хаджимуков. Мы в самом деле на Подпорожной золото мыли, и даже, как честный человек скажу, что я вам остался должен за полфунта пороха и сто пистонов. Только если вы пришли долг спрашивать, то пороха здесь ближе, как в Улясугае, не достать. А если хотите золотишком промыслить, так милости просим — откатывайте на другие озера, а здесь все позанято, и я никого не пущу.

— Полно дурака валять, Карлушка! Мы к тебе с доброй душой пришли, никакого мне долга не надо. Ты только Расскажи толком, какие здесь кругом люди живут, показываются ли белые и далеко ли монголы?

— Ничего я ни про кого не знаю, — говорит. — Я человеконенавистник. Живу один вместе с солнцем, лесом и озером, и очень рад, что не встречаю ни одной человеческой рожи. Люди всегда меня обманывали. Как только найду я где золотую жилу, налетят все, как галки, меня оттеснят, нажиться им поскорее надо. Оттого я и ушел от них в дикие места. До свиданья!

— Постой, Карлушка, — говорю, — ведь мы с тобой приятели были, калачи вместе ломали. И хотя ты гостей принять не хочешь, а все же мы против тебя ничего не имеем и вертаем назад. Только ты скажи нам последнее слово: правда ли, что в этом озере гад живет и баранов за морду таскает?

* Подпорожная — приток верхнего Енисея в Урянхае, около больших порогов.

— Здесь обитает животное, очень древнее, в других местах его больше нет, иштызаврус называется. Других людей и зверей, это верно, он хватает, а мы с ним дружны. Если бы не он, сюда бы народу прикочевало сколько, и меня бы отсюда опять вытеснили. А я этого гада подкармливаю и через два дня в третий приношу ему кабаргу или другую дохлятину. Для того я в тайге засеки* навалил и петли в проходах повесил.

— Значит, — говорю, — коли ты это животное кормить не будешь, оно тебя съест?

— И вас съест, камрад Хаджимуков, если вы в озере купаться вздумаете. Я очень извиняюсь, что больше не могу разговаривать с вами, потому я человеконенавистник...

— Не крути, Карлушка, не всех же ты ненавидишь. Там, в срубе, не твою ли жену мы видели, монголку?

— Как вы могли подглядывать в чужой дом? Фуй, как вам не стыдно! Больше я с вами не разговариваю. До свиданья. Смотрите: если только вы будете близко подходить к моему дому, я буду стрелять картечью. — Кликнул Карлушка своих собак и побежал в кусты, волоса по ветру треплются. Овчарки кинулись за ним, и все стихло...

Колесников ударил ладонями по коленям, прервал рассказ Хаджимукова:

— Дивные дела! Чего только не бывает! А я ведь Карлушку хорошо знаю. Далеко же он от нас подался! Я его давно заприметил, еще когда он на Усу на Золотой речке золото мыл. Чудной был немец, вроде у него ум за разум зацепился. В круглой соломенной шляпе ходил, сам ее из камыша сплел. Ученый человек был, — гимназию, говорит, в Риге кончил, латынские слова знал и занятно рассказывал про всякие камни, зверей и звезды. Слух ходил, будто он на родине тещу убил самоваром, — очень она ему досаждала, в семейные дела мешалась. Его на каторгу сосла-

* В глухой тайге охотники устраивают заборы из наваленных деревьев, оставляя узкие проходы, где вешаются петли. Засеки тянутся иногда до 2-3 километров, перегораживая путь зверю. Охотничьими законами засеки запрещаются.

ли, и он с другими острожниками строил Усинскую дорогу*. Оттуда через тайгу к нам в Урянхай прибежал спасаться. Все хвалился, что найдет главную золотую жилу, с которой золотой песок смывается. Возле него и жались разные старатели, думали от него поживиться. А теперь, поди ж ты, в Монголии, у Карьей норы объявился. Не иначе как там золотую жилу раскопал... Ну, Хаджимука, валяй дальше! Что еще с вами было?..

V.

Глаз в воде

— Поговорили это мы с Бабкиным, — продолжал Хаджимуков, — чего же дальше делать? Озеро как озеро, ничего в нем не видать. Купаться в озере пойти — боязно. Может, и впрямь в нем гад ползает и за ноги в воду стащит. Пошли мы малость дальше берегом и увидали около воды большие камни-кругляки. Тут мы осмелели и спустили лайку, чтобы кругом пошарила. Шарик встряхнулся, завертел рыжей метелкой и забегал по берегу, камни обнюхивает. Потом спрыгнул к самой воде и стал лаять.

— Зря спустили его, — ворчит Бабкин.

Стали мы подзывать к себе Шарика, но тот заливается, тявкает как на лисью нору, лезет в воду, а шерсть вздыбилась, и зубы оскалил.

Вдруг выбросилась из воды лошадиная морда с острыми щучьими зубами, вытянулась кверху на зеленой гусиной шее, изогнулась да как схватит Шарика за спину. Взлетел Шарик на воздух, трепыхнул лапами, взвизгнул в последний раз и шлепнулся в воду. Покатались во все стороны светлые круги, а Шарика мы больше так и не видели.

* Большая шоссейная дорога от Минусинска в Урянхай, построенная действительно «каторжным трудом» каторжников, проложивших ее в вековой тайге через Саянский хребет.

Посмотрели мы с Бабкиным друг на дружку.

— Что же это такое? — говорю.

— Самый этот гад и был. Чего зевал? Надо было палить. Теперь твоему Шарику каюк! Уйдем-ка отсюда подбру-поздорову.

— Нет, — говорю, — шалишь! Партизан, да чтобы гада испугался? Не может этого быть: Колчака мы свалили, Ун-герна колотим, Бакича ловим, — нет, так я не уйду! Давай-ка приляжем за камень.

Положили мы винты перед собой и стали следить за озе-ром. А солнце уже садилось за елки, скоро и заворачивать надо.

И замечаю я на воде глаз — большой, темный, навывкате, как у вола. Лежит глаз на темной воде и смотрит на меня сторожко так да умно. Потом серое веко затянуло глаз, он опять открылся, прищурился и передвинулся поближе.

— Гляди, черная точка на воде, — шепнул я Бабкину.

— Где, где? — всполошился он.

Стал я наводить винтовку на глаз, а Бабкин уже заметил и шепчет:

— Постой, мы ему другую штучку покажем...

Отцепил он с пояса гранату, наставил ее и спустился ни-же к воде. Тихо, чтобы не вспугнуть, поднял гранату и бро-сил ее в темный глаз.

Граната на тихом озере взорвалась, точно чебултыхну-лось на нас самое небо. Гром пошел, и во всех горах застука-ло. Вода забурилась, выкинулись зеленые лапы, захлопали, пену взбивают. Круглое брюхо, пегое с бурыми подпалина-ми, выпучилось над водой, перевернулось. Показалась злоб-ная морда, нос разодран, весь в крови, на макушке пету-ший зеленый гребень. Колесом покатился гад по озеру, вол-ны будоражат, длинный зубчатый хвост подбрасывает. По-том скрылся под воду, еще раз показался, хлестнул хвос-том и нырнул в последний раз.

— А если в озере еще такие звери остались? — говорит Бабкин. — И он поплыл на дно звать себе на подмогу? Давай-ка сматываться отсюда к лешему.

Думаю: время к вечеру, пока доберемся до лошадей — совсем стемнеет. Быстро пошли знакомой дорогой. Кони на своем месте. Развели огонь. Ночью не спалось. С озера шел какой-то рев. То ли гад кричал, то ли Карлушка по своем дружке панихиду служил, али медведь ревел, — кто разберет, что в тайге слышится...

Хаджимуков замолчал, набивая трубку табаком. Партизаны наблюдали за ним, ожидая продолжения рассказа.

— Ну, и дальше что? — спросил Колесников.

— Мы к озеру больше не вертались. Проехали кружным путем к реке Тэсу, встретили там юрты монголов. Они нам поведали все, что знали про белых, и я с Бабкиным через несколько дней стрелись с нашей главной партизанской силой на Улясутайском тракте. Ребята ехали уже с песнями, — они навалились врасплох на белобандитов, когда те стояли лагерем и не снилось им, что с сопок и сбоку и сзади начнется стрельба. Посадили они на автомобили своих барынь — и ходу назад, в Монголию. Все, кто мог, — и на конях и пешие бежали, побросав лагерь. Большую добычу мы забрали: и палатки, и оружие, пулеметы, серебро...

Колесников, прищуря недоверчивые глаза, прервал Хаджимукова:

— Это мы знаем, слышали, да и многие сами участвовали. А вот что мне сумлительно. Ты вот сказывал, что плетка твоя из сосунка гада. Где же ты ее подобрал?

— Где? Мне Карлушка ее подарил. Утром ведь он разыскал нас на другой день — нюх у него стал звериный. «От лошадей, — говорит, — дух я почуял». И пришел он к нам в портках и соломенной шляпе. Принес он мне эту нагайку и объясняет: «За порох и пистоны, что я должен остался, я вам, камрад, такую плетку дарю, какой во всех Европах ни у кого нет. У этого иштызавруса сосунок был, молоком его кормился. Подох он, и к берегу его ветром прибило. Я из шкуры его ремней накроил, петель наделал, чтобы в засеках кабаргу ловить. Так матка все приплывала, в сосунка носом тычет и мычит, — думала, что очнется. А потом волки мясо объели, одни кости остались. Я с того места подалее перебрался и тот сруб сложил, где вы мою супругу-монголку видели»...

Последние огни облизывали раскаленные вишневые угли. Черная ночь все затягивала своей бархатной полой. Партизаны подбросили в костер хворосту и стали укладывать. Становилось холодно, и в оранжевом свете вспыхнув-

ших сучьев было видно, как нагольные полушубки и приклады ружей покрылись матовым налетом серебристого инея.

Колесников бормотал:

— И чего только немцу с голодухи не придет на ум. Сперва обезьяну выдумал, а теперь, поди ты, с гадом подружился. Не зря говорят: немец без уловки и с лавки не свалится!..

Комментарии

Произведения, включенные в книгу, публикуются по оригинальным изданиям с исправлением очевидных опечаток; за некоторыми исключениями, сохранены особенности орфографии и пунктуации.

М. Редклиф. Охранитель долины

Впервые на русском яз.: Мир приключений, 1912, № 12.

Деремп. Белые дьяволы

Впервые на русском яз.: Огонек, 1908, № 7. Видимо, перевод с франц. либо стилизация под таковой.

С. 24. ...*Центральную школу* – Имеется в виду Центральная школа искусств и промышленности в Париже, учебное заведение университетского уровня для подготовки инженеров, основанное в 1829 г.

С. 25. ...*Сантос Дюмон* – А. Сантос-Дюмон (1873-1932), пионер авиации, уроженец Бразилии, живший во Франции. В 1989-1905 гг. разработал и построил управляемый воздушный шар, а также множество дирижаблей. В 1906 г. совершил первый в Европе публичный полет на аэроплане 14-bis собственной конструкции; разработал моноплан «Демуазель» и внес ряд важных нововведений в конструкцию самолета.

С. 26. ...*химерическую затею Андрэ* – Шведский воздухоплаватель С. А. Андре (1854-1897) намеревался в 1897 г., стартовав со Шпицбергена, пролететь на воздушном шаре над Северным полюсом. Его воздушный шар «Орел» быстро потерял водород и разбился во льдах через два дня после вылета. Как выяснилось впоследствии, Андре и два его молодых спутника погибли на о.

Белом в Шпицбергенском архипелаге; последний лагерь экспедиции был случайно обнаружен лишь в 1930 г.

С. 32. ...*крайнего пункта, до которого дошел Нансен* – Во время марша к полюсу в 1895 г. норвежский полярный исследователь Ф. Нансен (1861-1930) и его спутник Я. Йохансен были вынуждены повернуть назад, находясь примерно в 400 км. от цели.

Уильям Л. Олден. Недостающее звено

Впервые под назв. «Found by the Missing Link», The Saturday Evening Post, 1903, 2 May. Также в The Harmsworth London Magazine, 1902, Vol. 8, February-July. На русском яз. впервые: Нива, 1906, №№ 29-30 под именем В. Ольден.

Уильям Л. Олден (1837-1908) – американский журналист, юморист, писатель, дипломат. В 1860-1866 гг. занимался юридической практикой, затем переключился на журналистику, писал для различных журналов, был сотрудником редакции и колумнистом «Нью-Йорк Таймс». В 1885-1890 гг. консул США в Риме, позднее жил в Париже и Лондоне. Известен также как энтузиаст гребли на каноэ и основатель первого соответствующего спортивного клуба в США. Сочинения Олдена пользовались в свое время большим успехом, в частности, его высоко ценил М. Твен.

С.63. ... *tête-à-tête* – уединение вдвоем, свидание (франц.).

Сергей Семенов. Тайна ископаемого черепа

Впервые: Мир приключений, 1927, № 7.

С. 70. ...*Homo primigenius'a* – «Человека первобытного» (лат.). Это наименование с последней четверти XIX в. использовалось рядом ученых для обозначения неандертальца.

С. 78. ...*Атлантозавр* – Название апатозавра (бронтозавра) по Э. Коупу, в современной классификации не используется.

С. 89. *Плеозавры...* – Т. е. плиозавры, группа короткошеих плезиозавров. Достигали в длину 10-12 м.

Чарльз Робертс. На рассвете времен. Появление человека

Отрывок из романа Ч. Робертса «In the Morning of Time» («На заре времен», «На рассвете времен», отд. англ. изд. 1919). Впервые на русском яз.: Природа и люди, 1912, № 48 с подзаг. «Научный рассказ».

Сэр Чарльз Г. Д. Робертс (1860-1943) – выдающийся канадский писатель и поэт. После окончания университета работал школьным директором, журналистом, с 1885 г. университетским преподавателем. В 1897-1905 гг. жил в Нью-Йорке, затем в Париже и Мюнхене и в 1912-1925 гг. в Лондоне. Во время Первой мировой войны служил в британской армии, дослужившись до капитанского звания. В 1925 г. вернулся в Канаду. Робертс оставил обширное литературное наследие, включая более десятка прославивших его книг о животных; он считается первым канадским писателем, завоевавшим всемирное признание, и основоположником канадской поэзии.

Харлей Альдингер. Среди динозавров

Впервые под назв. «The Way of A Dinosaur», *Amazing Stories*, 1928, April. На русском яз. впервые: В мастерской природы, 1928, № 9 с подзаг. «Научно-фантастический рассказ».

Харлей С. Альдингер – американский писатель, автор трех научно-фантастических рассказов, опубликованных в 1928-1932 гг.

Сергей Соломин. Предки

Впервые: Аргус, 1913, № 2. Также: Всемирный следопыт, 1928, № 1, за подписью Л. А. Черняк (иллюстрации к рассказу взяты из этой публ.).

С. Я. Соломин (наст. фам. Стечкин, 1864-1913) – русский писатель, публицист, журналист. Родился в дворянской семье, во время учебы в Петровской земледельческой и лесной академии увлекался народовольческими идеями. В 1887-1890 годах провел три года в ссылке в Холмогорах. С 1894 г., живя в Одессе, начал сотрудничать в различных газетах и журналах, позднее перебрался в Петербург. В 1907 г. издавал журнал «Пережитое»; в 1907-1913 публиковал фантастические рассказы и повести в различных журналах и альманахах. После ссылки за Урал в 1910 г. болел и работал урывками; подготовил к изданию сборник рассказов «Разрушенные терема» (1913).

Судьба рассказа «Предки» сложилась любопытно. В 1928 г. его под девизом «Путь» прислал на конкурс журнала «Всемирный следопыт» некий Л. А. Черняк, выдавший рассказ за собственное произведение. Черняк внес в рассказ небольшие изменения (в том числе изменил имена действующих лиц). Наиболее существенные из них коснулись финала, откуда начисто исчезло рассуждение о счастливом бытии людей-лягушек. В публикации «Всемирного следопыта» имелось также «научное» послесловие:

Что говорит наука?

Рассказ доктора Рейдаля может показаться читателям плодом болезненной фантазии. Продолжительные блуждания по подземному лабиринту, крайняя усталость, жажда и голод действительно могли вызвать у Рейдаля бредовое состояние, в котором он видел людей-лягушек.

Весьма неправдоподобным на первый взгляд кажется описание пещеры: неизвестный источник света, ветер и волнующееся подземное море. Однако при очень больших размерах пещеры всегда возможны нарушения равновесия атмосферы вследствие местного повышения или понижения температуры, а следовательно, и образование воздушных течений. Труднее объяснить источник света. Не следует, впрочем, забывать, что далеко не все световые явления объяснены удовлетворительно наукой. Много ли мы знаем, в сущности, о природе северного сияния или зодиакального света?

В низших слоях атмосферы наблюдаются иногда странные световые явления, например, огни св. Эльма, появляющиеся на корабельных снастях, огни Кастора и Поллукса, всегда состоящие из двух огненных языков и долго держащиеся над шпилем

высокой башни или колокольни. Принято относить эти явления к электрическим феноменам. Однако до сих пор остается необъяснимым, почему в данном месте появились именно такие, а не другие огни, а в очень многих местах никогда не появляется таинственных огней. В пещере Рейдаля могли быть светящиеся облака, скопившиеся под высокими сводами.

Что же касается главного, т. е. людей-лягушек, необходимо пояснить следующее: биология установила, что все животные произошли от первичной клетки путем ее постепенного развития под влиянием внешних условий и борьбы за существование. Для доказательства этой теории существует два пути: палеонтология и эмбриология — наука о развитии зародыша.

Наука об ископаемых пытается установить непрерывную цепь форм между существами, населявшими Землю в различные эпохи, и современными. К сожалению, сохранились кости лишь немногих первобытных животных. Науке удалось, однако, установить связь между ящерами и птицами через промежуточные типы.

Сложнее обстоит дело с происхождением человека. Однако теоретически на вопрос: существовал ли предок человека, современник завров и древовидных папоротников? — Мы должны ответить положительно. Предок этот, по тогдашним условиям жизни на Земле, был, несомненно, земноводным животным. Принимая во внимание, что потомки сделались людьми, вполне допустимо, что и предок был не лишен некоторой разумности.

Напомним, кстати, что в преданиях каждого народа упоминается о чудовищах, драконах и химерах. Вероятно, в мозгу земноводных предков запечатлелся образ чудовищных ящеров, и память о них передалась потомкам.

Второй путь доказательства теории эволюции дает эмбриология. Как известно, зародыш человека в течение девяти месяцев утробной жизни повторяет всю историю развития человека. Сперва он напоминает низшие одноклеточные существа, потом — многоклеточные. Затем он уподобляется моллюскам и слизнякам и в некоторый момент своего развития даже является двуполым. Но самое замечательное — это то, что в известный период зародыш человека имеет признаки жабр.

Если мы сравним постепенное развитие зародыша человека и лягушки, мы найдем много сходных черт, например: лягушка, как и человек, дышит только легкими, а головастик имеет жабры...

Действительно ли видел Рейдаль мир прошлого или это лишь фантастический бред, но рассказ его не так противоречит науке, как кажется на первый взгляд.

Рассказ «Предки» получил 8-ю премию в размере 150 руб. и был опубликован в № 1 за 1928 г. Однако уже в 3-м номере за тот же год появилась следующая заметка:

Конкурсный плагиат

На второй литконкурс «Всемирного Следопыта» (1928 г.) был прислан между прочими рукописями фантастический рассказ «Предки», который членами жюри был признан заслуживающим премирования. Ему была присуждена 8-я премия в размере 150 рублей. По вскрытии конверта, приложенного к рукописи, оказалось, что автором рассказа является Леонид Андреевич Черняк, живущий в г. Киеве, на Пироговской улице, в д. № 12, кв. 4.

Рассказ был напечатан в № 1 «Следопыта». Как только номера с этим рассказом были разосланы подписчикам, редакция получила от своих друзей-читателей несколько писем, в которых с возмущением рассказывалось о том, что редакция «Следопыта» введена в заблуждение гр. Черняком, целиком переписавшим этот рассказ со страниц журнала «Аргус» за 1913 год, где он был напечатан под тем же заголовком, и принадлежал перу покойного ленинградского писателя Сергея Соломина. Скоро в редакцию поступили и экземпляры этого номера «Аргуса», и редакция могла воочию убедиться в том, что она стала жертвой плагиата.

Конечно, члены редакции и жюри не могут знать содержание всех прежних журналов, и только у некоторых из наших многочисленных друзей-читателей могли случайно сохраниться номера «Аргуса».

Поступок гр. Черняка с рассказом «Предки» относится к категории литературного мошенничества. Хорошо что, он не успел еще получить премии в 150 руб. и, конечно, получит не ее, а нечто совсем другое: редакция подала на него жалобу киевскому прокурору, обвиняя его по ст. 169 Уголовного кодекса, ч. 1, в заведомом мошенничестве. Да будет неповадно другим непорядочным личностям совершать подобные проделки и тем самым вселять у редакции недоверие к рукописям неизвестных ей авторов, присылаемым нам с периферии, — недоверие тем более неприятное, что «Следопыт» не делает ставки на известные литератур-

ные имена, а старается находить и выдвигать даровитых молодых писателей из гущи жизни.

Самым веселым во всей этой невеселой истории является «поэтический» девиз, под которым Черняк прислал украденный им рассказ, а именно:

«И если б даже в самом деле
На ложном я стоял пути, —
Но этот путь, однако ж, с честью
Я до конца хочу пройти...»

Счастливого пути, гр. Черняк! Его вам укажет киевский прокурор...

Из № 10 за 1928 г. заинтригованные читатели могли узнать, какая кара постигла мошенника. Отделался он, согласно редакционной заметке, сравнительно легко:

От редакции

В № 3 «Всемирного Следопыта» нашим читателям сообщалось о факте литературного воровства гр. Черняка, приславшего на литературный конкурс «Следопыта» в 1928 году рассказ «Предки», списанный полностью с журнала «Аргус» за 1913 год и принадлежавший перу покойного писателя Сергея Соломина. Рассказ этот был напечатан у нас. Как уже сообщалось раньше, дело для расследования было передано киевскому прокурору. На днях от народного судьи г. Киева получено сообщение о том, что обвиняемого гр. Черняка народный суд приговорил к лишению свободы сроком на 6 месяцев без строгой изоляции. Но принимая во внимание, что степень социальной опасности осужденного не требует изоляции от общественности, суд считает этот приговор условным на испытательный срок три года.

Гонорар в размере 150 рублей, причитающийся автору рассказа «Предки», своевременно задержанный выдачей гр. Черняку, передан редакцией в фонд самолета «ЗИФ».

С. 113. ...гейдельбергский череп – Точнее, челюсть, найденная в 1907 г. близ Гейдельберга в Германии; этот ископаемый вид людей, считающийся предшественником неандертальца, получил название «Гейдельбергский человек» (*Homo heidelbergensis*).

Василий Ян. Загадка озера Кара-Нор

Впервые: Всемирный следопыт, 1929, № 7. Публикуется по этому изданию. В журнальной публ. рассказу предшествовало редакционное предисловие, сохраненное нами в тексте.

В. Г. Ян (наст. фамилия Янчевецкий, 1874/75-1954) – русский советский писатель, прославившийся как автор исторических романов, особенно трилогии «Нашествие монголов». Бурная жизнь Яна до 1928 г. включает путешествия по России, Средней Азии, работу военным корреспондентом во время русско-японской и Первой мировой войн, а также в походной типографии армии Колчака, службу в Средней Азии, организацию одного из первых отрядов российских скаутов, пребывание за границей (Англия, Турция, Румыния) и т.д. С 1928 г. жил в Москве, занимаясь литературным трудом.

• Оглавление

<i>М. Редклиф.</i> Охранитель долины	7
<i>Деремп.</i> Белые дьяволы	23
<i>У. Л. Олден.</i> Недостающее звено	51
<i>С. Семенов.</i> Тайна ископаемого черепа	66
<i>Ч. Робертс.</i> На рассвете времен	91
<i>Х. Альдингер.</i> Среди динозавров	104
<i>С. Соломин.</i> Предки	111
<i>В. Ян.</i> Загадка озера Кара-Нор	129
Комментарии	148

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.